

авантюрная
мелодрама

АНТОН ЛЕОНТЪЕВ

РЕМЕЙК КОШМАРА

Антон Валерьевич Леонтьев

Ремейк кошмара

Серия «Авантюрная мелодрама»

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=31265950
Ремейк кошмара: Э; Москва; 2018
ISBN 978-5-04-091732-7*

Аннотация

Что реальнее – холодный бункер с мигающей неоновой лампой или огромный особняк, опустевший после гибели родителей? Почему Юлию буквально преследуют изображения белок, а в памяти назойливо крутятся слова «весёлые бельчата»? Реальна ли являющаяся ей мёртвая девочка с черными глазницами и зашитым проволокой ртом или она живёт только в ее воображении? Неужели Юлия сходит с ума? Доктора клиники, куда устроил ее любящий муж, подтверждают эту догадку. Ведь она – преступница, убившая своего брата и родителей. Поэтому клиника – единственное место, где ей помогут. Но девушка совершенно не помнит, как совершила все эти ужасные преступления, и, кажется, дело не только в провалах в памяти...

Содержание

Бункер	6
Вне бункера	57
Конец ознакомительного фрагмента.	103

Антон Леонтьев

Ремейк кошмара

© Леонтьев А.В, 2018

© ООО «Издательство «Э», 2018

* * *

*«...Белка песенки поёт
И орешки всё грызёт,
А орешки не простые,
Всё скорлупки золотые,
Ядра – чистый изумруд;
Вот что чудом-то зовут!»*

А.С. Пушкин. «Сказка о царе Салтане, о сыне его славном и могучем богатыре князе Гвидоне Салтановиче и о прекрасной царевне Лебеди»

«... – Что ты, батюшка? не с ума ли спятил, али хмель вчерашний еще у тебя не прошел? Какие были вчера похороны? Ты целый день пировал у немца, воротился пьян, завалялся в постелю, да и спал до сего часа, как уж к обедне отблагостили.

– Ой ли! – сказал обрадованный гробовщик.

– Вестимо так, – отвечала работница.

– Ну, коли так, давай скорее чаю да позови дочерей».

А.С. Пушкин. «Гробовщик» из «Повестей покойного

Ивана Петровича Белкина»

Бункер

...Юлия открыла глаза и прислушалась. Из коридора слышались тихие шаги. Она привстала и оглянулась, однако глаза не могли ничего разобрать: царил полная темень. Чувствуя под ногами холод, женщина поежилась: оказывается, она была босиком.

Сделав несколько шагов, Юлия замерла. Она вдруг поняла, что не имеет ни малейшего понятия, где находится. И, что ужаснее всего, *как она сюда попала*.

Так и есть, где-то рядом кто-то прошелся. Юлия сдвинулась с места и, чувствуя под ногами ровную поверхность пола, похоже, бетонного, на ощупь двинулась вперед. Глаза уже привыкли к темноте, и она смогла разобрать смутные очертания комнаты, в которой находилась.

Не большая и не маленькая, с низким потолком и *без единого окна*. Зато, если глаза не обманывали Юлию, с большой черной дверью в нескольких метрах от того места, где она стояла.

Юлия наконец добралась до двери и попыталась нащупать ручку, однако ее пальцы утыкались в ровную металлическую поверхность. Как ни старалась, она не могла ни за что уцепиться. И внезапно поняла: у двери просто-напросто не было ручки.

Ей сделалось страшно, хотя до сего момента Юлия не ис-

пытывала ничего – ни паники, ни беспокойства. Повернувшись, она прислонилась к двери спиной и облокотилась на ровную металлическую поверхность.

Чувствуя сквозь тонкую ткань одежды холод (похоже, облучена она была во что-то эфемерное, то ли сарафан, то ли ночную рубашку), Юлия попыталась сообразить, где все-таки находится. И, самое важное, как она там оказалась.

Нет, вовсе не там, а *здесь*, в этом странном помещении без единого окна, с холодным бетонным полом и металлической дверью без ручки.

Глаза уже настолько привыкли к темноте, что выхватывали из обступавшей тьмы много деталей. Однако в этом-то и был ужас: ничего такого рассмотреть не удавалось. По той простой причине, что никакой мебели в комнате не было – ровным счетом *никакой*.

Ни стула, ни кровати, ни шкафа, ни даже хотя бы матраса в углу или циновки. Комната была абсолютно пуста, если не считать, конечно, находившейся там Юлии.

Нет, не там, а *здесь*.

Внезапно до Юлии снова донеслись шаги, причем так отчетливо и в столь непосредственной близости, что женщина вздрогнула и инстинктивно отступила от двери в глубь комнаты.

Там, с обратной стороны металлической двери, кто-то стоял и громко дышал. Нет, даже не дышал, а натужно *сопел* – причем сопел весьма отчетливо, как старинный паропел

воз или неисправный прибор искусственного дыхания.

Юлия, чувствуя, что страх вдруг перерастает в панику, прислушалась, затаив собственное дыхание. Тот, кто находился всего в нескольких сантиметрах, пошевелился, кажется, поворачиваясь, затем грузно сдвинулся с места, а затем *чихнул*.

Кажется, это был мужчина. Юлия окаменела. Ее сердце билось необычайно быстро, во рту пересохло, кожа покрылась пупырышками – однако не от холода (хотя в комнате было далеко не жарко), а от ужаса.

Где она? Она этого не знала. *Как она сюда попала?* Этого она тоже не ведала. *Почему дверь закрыта?* Об этом она не имела ни малейшего представления. *Кто стоял за дверью и тяжело дышал?* Это было ей неизвестно.

Внезапно женщина сообразила, что вообще мало что знает и что может вспомнить. В том, что она звалась Юлией, она, к примеру, не сомневалась. Она просто знала это – и все тут.

А вот какая у нее фамилия? Она не могла сказать. *Сколько ей лет?* Что было до того, как она открыла глаза и поняла, что находится в этой...

Нет, не комнате, а *тюремной камере?*

Или даже *бункере?*

И тут на нее накатило, и женщина вдруг всхлипнула, чувствуя, что по ее щекам струятся горячие соленые слезы. Она затряслась в беззвучных рыданиях, боясь, как бы тот, кто

стоял рядом, не услышал ее стенаний.

Еще до того, как в голову Юлии пришли иные вопросы и она справилась с нахлынувшими на нее чувствами, раздался легкий скрежет, она вдруг поняла, что дверь открывается, и отскочила от нее в глубь комнаты.

Тюремной камеры.

Странно, но ей вдруг показалось, что она знает, где находится. И на что похожа эта тюремная камера. На что?

(Веселые бельчата, веселые бельчата, веселые бельчата...)

Отогнав странные *ненужные* мысли, Юлия заметила, что дверь не сдвинулась с места, а вместо этого в самой двери вдруг образовалось, с противоположной стороны, небольшое зарешеченное квадратное отверстие.

Кто-то, видимо, тот, кто стоял и тяжело дышал, распахнул старомодное тюремное оконце.

– Не реветь! – услышала она странный, неприятный голос, скорее мужской, чем женский. – *Он* этого не любит!

Юлия заметила с обратной стороны, видимо, *из коридора*, свет и чье-то лицо, но не смогла рассмотреть его. Однако ей показалось, что лицо было...

Какое-то *страшное*.

Еще до того, как она смогла по-настоящему испугаться, оконце с легким лязганьем снова закрылось, и камера – *Юлия уже не сомневалась, что она действительно находится в тюремной камере* – погрузилась в темноту.

Прошло несколько томительных моментов, в течение которых женщина не знала, что делать. Смахнув все еще струившиеся по щекам слезы, она ощутила вместо страха злость и, ринувшись к двери, стала барабанить по ней кулаками.

— Эй, откройте! Выпустите меня отсюда! Вы меня слышите? Немедленно выпустите меня!

Чем сильнее она стучала в дверь, тем сильнее росла в ней уверенность, что стоит ей повысить голос и напугать... напугать *тюремщика*, как ей удастся обрести свободу.

Хотя в этом-то и заключался ужас: она не могла сказать, ни кто она, ни откуда она, ни как она попала туда... То есть конечно же сюда. Ни как долго находилась там... Естественно, здесь...

Здесь, в тюремной камере, отчего-то напомнившей ей место заточения графа Монте-Кристо в замке Иф. В детстве, помнится, она обожала эту книгу, прочитав ее одиннадцать... Нет, даже *двенадцать* раз.

И не только она сама, но и ее брат Васютка...

Брат? У нее имелся брат?

Да, имелся...

(Веселые бельчата, веселые бельчата, веселые бельчата...)

До Юлии внезапно дошло, что амнезией она не страдает и может вспомнить, что было с ней в детстве. Она даже вспомнила, что обои ее детской комнаты были розовые с разбросанными по ним букетами цветов. Но это до того, как она с

родителями переехала...

Оконце с грохотом, на этот раз *гораздо более сильным*, снова распахнулось, и до нее донесся голос тюремщика:

– Не орать! Ишь чего выдумала! Замолчи сейчас же!

Так, теперь стало ясно, что голос был не женский и не мужской, а какой-то... *детский*, что ли? Нет, и не детский, но явно принадлежавший человеку еще совсем даже не взрослому.

Ее что, охранял подросток?

Юлия, таращась на то, что возникло в оконце, через которое в комнату (да нет же, *бункер!*) вливался яркий, но какой-то мертвящий свет, наконец-то имела возможность рассмотреть лицо того, кто к ней обращался. Хотя бы и частично...

И ей сделалось очень и очень страшно. Это в самом деле было какое-то нереальное, жуткое лицо, вероятнее, даже *морда*. Вне всякого сомнения, человеческая, однако непропорциональных размеров и какая-то перекошенная.

Тот, кто ее охранял и вел с ней беседу, был отнюдь не красавцем, а подлинным Квазимодо! Низкий покатый лоб, торчавшие во все стороны волосы, огромный крючковатый нос, выпяченная губа, из-под которой виднелись длинные желтые зубы...

Нет, даже *клыки*.

Отчего-то Юлия подумала о *том самом* фильме, который смотрела тогда вместе со Стасом. Какой-то идиотский

третьеразрядный американский ужастик, на который она пошла, потому что это была единственная возможность — они пришли в кинотеатр, когда все остальные сеансы уже начались.

Фильм был не то что страшным, а скорее неприятным, абсолютно неправдоподобным и скроенным по примитивным лекалам творцом подобных «шедевров». Что-то о группке туристов, свернувших в лесистой провинциальной Америке куда-то не туда и угодивших в логово людоедов, которые с большим удовольствием принялись поглощать непрощенных гостей. И, как водится в подобных случаях, людоеды были какими-то гротескными существами, подлинными монстрами со столь уродливыми телами, что, существуя они на самом деле, они бы по причине своих телесных изъянов не смогли бы сдвинуться с места, не говоря о том, чтобы, подобно марафонцам, преследовать бедолаг-туристов по лесам, поджидать их в чащобе и тащить к себе в хижину, дабы сделать из них фрикасе к ужину.

Или, кто знает, к своему людоедскому обеду.

Да, фильм ужасов ей тогда *ужасно* не понравился — не столько своей кровавостью, хотя крови было много, сколько полной бессмысленностью и примитивностью. Это и стало одной из причин, кажется, даже основной, почему она через несколько дней и завершила свои отношения с ее тогдашним ухажером Стасом...

Ну да, Стаса она *прекрасно* помнила...

А вот сказать, как она оказалась здесь, не могла.

Но почему она об этом подумала? Ах, по той простой причине, что лицо того, кто сейчас гундосил что-то в зарешеченное оконце, очень походило на физиономию младшего отпрыска семейства лесных людоедов. Конечно, не один в один, однако нечто из разряда подобных нереалистичных киношных монстров он собой представлял, это точно.

С тем только различием, что в ее случае монстр был вполне реальный и не экранный.

Юлия вдруг испугалась до такой степени, что вжалась в угол и, взирая оттуда на прямоугольник света, в котором виднелась гротескная физиономия, закрыла глаза, желая, чтобы наваждение прошло. Чтобы она открыла глаза – и все вдруг исчезло.

Она открыла глаза и убедилась, что *ничего не изменилось*. Слезы вновь заструились по ее щекам, только в этот раз плакала она абсолютно беззвучно, съежившись и замерев на карачках, чувствуя, что ноги у нее задубели от холода.

Ведь она же была босиком!

Тюремное оконце никуда не исчезло, странная, наводящая ужас физиономия, такая нереальная и тем не менее маячившая прямо перед ней, гаркнула:

– Не реви! Мне такое не нравится!

А затем раздалось позвякивание, послышался поворот замка в двери – и дверь медленно распахнулась.

Юлия, еще несколько минут назад страстно желавшая,

чтобы это произошло, поняла, что желает одного: чтобы дверь закрылась, чтобы тюремщик, который возник перед ней, исчез, чтобы все опять погрузилось в темноту.

И чтобы она осталась в тюремной камере в одиночестве. Но даже это не помогло бы ей: она ведь все равно знала бы, что рядом, в считанных метрах, притаилась опасность, тяжело дышавшая и шаркавшая ногами.

Юлия подскочила, вжимаясь в холодную бетонную стену. Тюремщик, замерев на пороге, кажется, сам не знал, что ему делать, и стоял, переминаясь с ноги на ногу. Это был крайне непропорционально сложенный человек, очень некрасивый и внушавший трепет. Облачен он был в какие-то странные, явно старомодные, одежды. Голова у него была странно изогнута, и из-за нее виднелся...

Да, это действительно был *горб*.

Не закрывая глаз, Юлия рассматривала своего тюремщика. Ведь настанет время, когда она покинет место заточения и в полиции придется воссоздавать его портрет, дабы правоохранительные органы могли найти его.

Полиция... Юлия едва не рассмеялась. Она словно в другом мире находилась, там, где не было полиции и всех тех, кто бы мог ей помочь.

А кто бы мог ей помочь?

И все же женщина внимательно смотрела на того, кто стоял в проеме двери и, кажется, даже смущенно таращился на нее. Ему что, самому неприятно или даже страшно разгова-

ривать с ней?

Юлия убедилась, что имеет дело с крайне малоприятным субъектом, являвшимся, похоже, мужчиной. Или даже большим ребенком, вернее, и инстинкт ее не обманул, неуклюжим и странным подростком. Похоже, даже не совсем адекватным.

Но подросток или нет, не хотелось бы ей столкнуться с подобным субъектом в темном проулке ночью. Или даже на оживленной улице днем. Впрочем, и в одном, и в другом случае у нее было бы несомненное преимущество – она бы смогла попросту убежать от этого субъекта.

А, находясь в тюремной камере без окон и с металлической дверью, сделать этого она не могла.

Женщина, медленно поднявшись, взирала на Квазимодо, так она окрестила для себя своего тюремщика. Однако ее внимание привлекал даже не столько он сам, сколько торчавшая в замочной скважине связка ключей.

Квазимодо чуть продвинулся в глубь камеры, предоставляя Юлии возможность бросить взгляд в коридор, из которого он к ней заявился. Похоже, камера с металлической дверью, *засовом снаружи* и зарешеченным оконцем была в коридоре не единственной. Взгляду Юлии предстала еще одна дверь напротив ее собственной.

– Не реветь! – произнес своим странным голосом Квазимодо, явно волнуясь. – Отчего вы все кричите? От этого у меня ужасно болит голова! Да и *он* этого не любит!

Юлия, чей взгляд был прикован к торчавшей в двери связке ключей, тихо произнесла:

– Я хочу пить!

Квазимодо вздрогнул, уставился на нее, словно не понимая, что она имеет в виду, а женщина повторила:

– *Я. Хочу. Пить.* Или вы хотите, чтобы я умерла от жажды? – И внезапно добавила, повинувшись какому-то неведомому чувству:

– Или вы хотите, чтобы *он* был недоволен?

Охранявший ее субъект встрепнулся и произнес:

– Так бы сразу и сказала. Только буяннить не надо. А то вы все такие резвые. Думаешь, что мне этот шум нравится?

Юлия, в голове которой сложился план побега, не отрываясь, смотрела на связку ключей. А затем, вдруг осознав, что Квазимодо может заметить ее опасный интерес к его ключам, заставила себя перевести взгляд на его уродливое, даже страшное лицо.

Нет, она никогда не была человеком, который оценивал других на основании их внешности. Юлия попыталась вспомнить, каким именно она была человеком до того, как попала сюда, но в голову не пришло ничего путного.

Хотя в мозгу внезапно возникла сцена.

...Она подходит к двери, причем двери, как две капли воды похожей на ту, которая являлась дверью ее тюремной камеры. Причем в руках у нее связка ключей. Она и сама не

знает, откуда у нее они взялись. Она открывает дверь и падает в комнату без окон. Только в отличие от этой посреди той комнаты возвышался стол. И на нем что-то лежит – что-то, накрытое клеенкой. Она приближается к столу, дотрагивается до клеенки, та начинает сползать с того, что находится на столе, и ужас, небывалый леденящий ужас, охватывает ее, причем еще до того, как ее взгляду предстает то, что лежит на столе. Наконец клеенка сползает полностью, и, отступая в испуге назад, она видит, что на столе покоится...

– Нет, не нравится!

Квазимодо продолжал говорить сам с собой, а Юлия вспомнила, что он вообще-то задал ей вопрос. Хотя что именно он спросил?

– Вы правы, – произнесла ровно она, понимая, что злить Квазимодо не имеет смысла. – *Ему* это явно не понравится. Как, рискну предположить, и то, что вы морите меня здесь голодом и холодом. Почему у меня нет обуви? Разве это *он* вам такое приказал?

Она не имела ни малейшего понятия, кем был этот таинственный *он*. Да и существовал ли *он* в действительности. Хотя, вероятно, существовал: вряд ли Квазимодо, явно интеллектом не отягощенный, мог похитить ее и заточить здесь, в бетонной тюрьме, самостоятельно.

То, что она стала жертвой *похищения*, Юлия уже поняла – эта мысль как-то сама по себе возникла у нее в голове. И

она восприняла ее без особой паники, скорее даже весьма прозаично.

Да, это было вполне логичное объяснение тому, что с ней случилось. Вернее, объяснение тому, как она здесь оказалась.

Здесь, в бункере без окон, но зато с металлической дверью и с настоящим Квазимодо в роли тюремщика.

– Нет, не приказывали... – Квазимодо вдруг даже, как ей показалось, испугался. Похоже, он здорово боялся тех, кого именовал не по имени, а только местоимением – *он*.

И отчего-то Юлия вдруг поняла, что не испытывает ни малейшего желания познакомиться с *ним*.

– Ну, тогда принесите мне что-то поесть и попить. И тапочки тоже захватите! И какой-нибудь матрас, что ли, раз заперли меня тут в темнице сырой. Ну, да поживее, милейший!

Юлия вдруг поняла, что Квазимодо, быть может, и далеко не «Мистер Вселенная», однако опасности, по крайней мере прямой, от него не исходит.

Во всяком случае, *в данный момент*.

Ее неуклюжий тюремщик потоптался, шевеля губами и что-то беззвучно повторяя, словно пытаясь запомнить все то, что желала получить от него Юлия. *А ведь в самом деле пытался!* А затем, развернувшись всем своим массивным телом, вышел прочь и прикрыл за собой дверь.

Юлия прислушалась – и поняла, что в этот раз лязга клю-

чей и поворачивающегося замка не услышала. А это могло означать только одно: Квазимодо, напуганный ссылкой на таинственного *него*, бросился выполнять смахивавшие на приказания поручения пленницы и *забыл при этом закрыть на замок ее камеру*.

Не веря своему счастью, Юлия выждала несколько мгновений, уверенная, что Квазимодо вот-вот вернется и закроет дверь на замок. Однако этого *не происходило*.

Медлить еще дольше было сущим безумием. Юлия, забыв о задубевших ногах, проскользнула к двери и потянула ее на себя.

В глаза ей ударил яркий мертвящий свет, шедший от тихо жужжавших неоновых ламп на потолке. Женщина чуть выглянула из-за двери и быстро посмотрела сначала в одну, а потом в другую сторону.

Никого.

Она не ошиблась: ее камера была не единственной в этом длинном, простиравшемся в обоих направлениях на много метров коридоре. Не ведая куда – направо или налево, – удалился Квазимодо, Юлия замерла.

Где же был выход – и куда ей стоило направиться, дабы не столкнуться через несколько секунд лицом к лицу с услужливым тюремщиком?

Она сама не заметила, как сделала первый шаг направо. А затем, ускорив темп, двинулась по коридору, спустя пару мгновений уже практически перейдя на бег.

Вот и конец коридора. Под потолком гудела, мигая, неисправная неоновая лампа. Под ней – небольшая лестница, что вела наверх, к массивной деревянной темной двери – *с круглой золотистой ручкой*.

Юлию охватило странное чувство, что дверь ей знакома. Что она ее уже видела, *и не раз...*

В мгновение ока взлетев по ступенькам, Юлия всем телом повисла на ручке, не сомневаясь, что дверь откроется и она... Да, и что она? *Окажется на свободе?*

Или узрит своего остолбеневшего тюремщика?

Однако не произошло ни того, ни другого, потому что дверь была конечно же заперта. Юлия даже коротко рассмеялась – в дешевых триллерах или фильмах ужасов героиня, *естественно*, могла в последний момент убежать.

Или в том случае, если она была не главной героиней, которой волей сценаристов надлежало, победив всех монстров, выжить, а всего лишь одной из многочисленных глуповатых жертв, то ей было предписано оказаться в лапах жуткого злодея, который ликвидирует ее каким-то особо циничным и наиболее зрелищным способом на потеху жующей попкорн публике.

Но Юлия была не героиней третьесортного фильма, ни даже фильма оскароносного – и дверь, как и надлежало двери, ведущей в логово маньяка, не киношного, а вполне реально-го, была заперта.

И выхода из подземелья ужаса и отчаяния не было.

Юлия хотела было снова дернуть ручку и вдруг поняла – двери-то никакой перед ней не было. А только *гладкая бетонная стена*.

Но как же так? У нее была галлюцинация – или дверь просто *исчезла*?

(Веселые бельчата, веселые бельчата, веселые бельчата...)

Размышлять об этом не хотелось, тем более у нее внезапно мелькнула шальная мысль: *а что, если она просто пошла не в том направлении?*

Снова вернувшись в коридор, Юлия бросилась в другой его конец. Она миновала приоткрытую дверь собственной камеры и убедилась в том, что Квазимодо еще не вернулся. Да и не мог он так быстро вернуться – с того момента, как она покинула свою тюремную камеру, прошло вряд ли больше пары минут.

А, вероятно, *даже и меньше*.

Юлия быстрым шагом (решив в этот раз не бежать) шествовала по коридору – и вдруг услышала знакомое сопение. Камеры вдруг закончились, она поняла, что попала в своего рода нишу. Женщина окаменела, не зная, что делать, а потом вдруг заметила фигуру Квазимодо.

Он, стоя к ней спиной, возился на небольшой кухоньке, намазывая на толстенный ломоть черного хлеба большие неровные куски дешевого маргарина из мятой упаковки. Это был гигантский невкусный бутерброд – видимо, предназна-

ченный для Юлии.

А в другом конце кухоньки имелась зарешеченная дверь – впрочем, однако, приоткрытая. Сердце женщины вдруг замерло – она уверилась в том, что это и был выход, тот самый, который она так отчаянно искала.

Юлия присмотрелась и поняла: для того чтобы пробраться к выходу, ей надо было пройти через кухоньку, на которой находился, сооружая ей бутерброд, Квазимодо. Тюремщик, завершив действия с маргарином, открыл навесной шкафчик и с урчанием извлек оттуда баночку с красным содержимым.

Юлии едва не стало плохо – она отчего-то вообразила, что тюремщик, являвшийся каннибалом, желает угостить ее за консервированными потрохами своих предыдущих жертв.

Тех самых, что сидели в подвале *до нее*.

И только мгновением позже поняла, что никакая это не кровь, а, судя по всему, вкуснящий джем, малиновый или, быть может, вишневый, который Квазимодо большой алюминиевой ложкой размазывал по неровному слою маргарина, любовно припечатывая своими большими узловатыми пальцами, то и дело с урчанием их облизывая.

Юлия сделала шаг вперед, желая прошмыгнуть за спиной тюремщика и юркнуть к приоткрытой решетке. Однако еще до того, как она смогла сделать это, Квазимодо вдруг с внезапной кошачьей грацией обернулся – и Юлия едва успела отпрянуть за угол.

Она услышала странный звук, похожий на фыркание, а затем осознала, что это тюремщик с шумом втянул носом воздух. Как будто...

Как будто *принюхиваясь*.

— Это *вы*? — раздался его дрожащий и звучащий даже почитительно голос. — Это в самом деле *вы*?

А затем послышался звук его шаркающих шагов, и Юлия сломя голову бросилась обратно. Вступать в неровную схватку с этим великаном она явно не намеревалась. Она юркнула обратно в свою камеру, прикрыла дверь и замерла в углу, как будто никуда и не выходила.

Спустя несколько секунд до нее донеслись шаркающие шаги, астматическое дыхание, дверь приоткрылась, и на пороге возник Квазимодо. В руках он держал поднос, на котором лежал уже известный ей бутерброд и стояла полулитровая бутылочка минеральной воды.

— Ты отсюда выходила? — произнес он строго, а Юлия, мило улыбнувшись, ответила:

— Нет, что вы! Тем более как я могла выйти, вы же меня заперли!

Тюремщик, сопя, уставился на торчавшую в замке связку ключей, затем поставил поднос на пол и произнес:

— Ты это, смотри, не шали. Потому что если что, то нам обоим очень плохо будет. *Он* этого не любит!

И снова этот непонятный *он*!

Непонятный и — в этом Юлия уже не сомневалась — непри-

ятный. Этот *он*, который и похитил ее. Или по чьему приказу ее и удерживали в этом подвале. Квазимодо был только тупым послушным сообщником, вероятно, даже мелкой шестеркой, который, не исключено, даже и не осознавал в полной мере, каким преступлениям он assisteрует.

А вот этот безликий *он*, о котором Квазимодо постоянно вел речь и которого он, судя по всему, очень даже боялся...

Этот *он* был типом нехорошим. *Очень* нехорошим!

– А кто это – *он*? – произнесла Юлия, чувствуя, что ее начинает трясти.

Квазимодо, метнув на нее сердитый взгляд, пробасил:

– Об этом я говорить с такими, как ты, не могу!

С такими, как она... Что же, наивно было предполагать, что она – первая жертва. Если бы ее похитили с целью выкупа или, скажем, для того, чтобы... Чтобы (Юлия подумала об этом с омерзением) подвергнуть ее сексуальному насилию, то все выглядело бы иначе. И похитители бы были иные, и держали бы ее в другом месте, да и действия в отношении ее персоны со стороны преступников были бы совершенно иные.

А так она оказалась в неведомом бункере, в котором имелась масса тюремных камер и в которых, не исключено, она была далеко не первой гостьей-жертвой.

Но от нее зависело, станет ли она жертвой *последней*.

– Это *он* вам запрещает? – произнесла Юлия, чувствуя внезапную жалость к Квазимодо. По сути, ее тюремщик был

тоже жертвой – человек больной, явно с отклонениями в психическом развитии, стал невольным соучастником и орудием в руках кого-то гораздо более изощренного и безжалостного.

Того, который и оборудовал всю эту подземную темницу.

Ведь, если подумать, идея была гениальная: вместо равного себе напарника взять в услужение человека ущербного, явно с крайне низким уровнем интеллектуального развития, превратить его в своего раба и тюремщика в эксклюзивной тюрьме, в которой размещались жертвы, похищенные им (или, впрочем, его прочими соглядатаями). Жертвы, с которыми он мог творить все, что угодно.

Да, все, что угодно.

От этой кошмарной мысли Юлия вздрогнула – реальность была намного ужаснее и безнадежнее, чем сценарий любого, даже самого крутого, фильма.

Квазимодо засопел и облизнул свои все еще вымазанные в варенье пальцы. Юлия, взглянув на приготовленный для нее бутерброд (и вспомнив, что, намазывая его, Квазимодо уже совал себе пальцы в рот), произнесла:

– Хотите мой бутерброд? Он ведь такой вкусный, а вы ведь наверняка такой голодный...

Тюремщик, сглотнув, уставился на поднос, а затем сипло спросил:

– Ты точно не хочешь?

– Нет, благодарю, я, кажется, *на диете*... – ответила Юлия,

что с учетом ситуации звучало не просто иронично, а издевательски, однако Квазимодо, явно не осознавая всех тонкостей и подтекстов, нагнулся, схватил бутерброд и запихал его себе в огромный рот.

Жуя, он закатывал глаза и чавкал, как будто поглощал редкостный деликатес. Впрочем, не исключено, что для него бутерброд из дешевого маргарина и джема в самом деле *был редкостным деликатесом*. Юлия подумала, что этот самый он вряд ли относился к своему рабу и тюремщику хорошо.

Но если так, то к тем, кто был заперт в камерах, он наверняка относился намного хуже.

Намного.

– Вкусно? – спросила женщина, дождавшись, пока Квазимодо не прожует и не проглотит. Тот кивнул, затем вдруг закашлялся, глаза у него полезли из орбит – *несчастный подавился!*

Юлия быстро встала на ноги. Самое время бежать прочь, туда, в сторону кухни, чтобы покинуть этот ужасный подвал, чтобы оказаться на свободе...

Она была уже около двери, ее руки теребили торчавшую в замке связку ключей – ее требовалось прихватить в любом случае. А Квазимодо, синяя и воздев к горлу руки, корчился в диких спазмах.

Бросив ключи, Юлия подскочила к нему и с силой стала стучать по его спине, точнее, по горбу. Как и у его литературного прообраза, у ее тюремщика, которого она окрестила

Квазимодо, имелся самый настоящий горб.

Квазимодо все еще натужно кхекал, тогда Юлия обхватила со спины его необъятную грудь руками и надавила что было силы...

В голове вспыхнула сцена: *она растерянно смотрит на то, как маленький мальчик, подавившийся куском зеленого яблока, синее у нее на глазах. Ребенок теряет сознание. Юлия не сомневается в том, что он умрет. И что ему уже никто не сможет помочь...*

– Уффф! – выдохнул Квазимодо после того, как она резко сжала его грудь. И Юлия поняла, что только что спасла ему жизнь. И, похоже, сцена, так похожая на ту, которая отложились у нее в памяти и которая вдруг снова откатила в небытие, на этот раз имела иную, счастливую, развязку.

Хотя...

Смотря на кашлявшего и стучавшего себя по груди Квазимодо, которому, однако, уже ничего не угрожало, Юлия с тоской взглянула на тот конец коридора, в котором находилась кухня. И решетка, за которой – в этом она не сомневалась – выход.

Она упустила крайне подходящий момент. Упустила, чтобы спасти жизнь своему тюремщику. *Что может быть глупее и невероятнее!*

– С вами все в порядке? – спросила она, думая, что если броситься сейчас в сторону кухни, то, вероятно, у нее будет шанс, пусть и небольшой, Квазимодо не настигнет ее.

– Уффф! Ты мне жизнь спасла! – раздался его восхищенный голос. – А то я думал, что помру!

Юлия подала ему бутылку воды, предназначавшуюся вообще-то ей самой, и велела:

– Выпейте. Ну, давайте, чего ждете!

Квазимодо, взяв бутылку в косматую лапу, пробормотал что-то невразумительное.

– Вам требуется жидкость. Чего вы ждете?

Но тюремщик не стал пить – и вдруг Юлия заметила, что крышка у бутылки была уже откручена. И поняла: наверняка туда было *что-то добавлено!* Какая-то гадость, которую ей надлежало принять, утоляя жажду. Есть она могла и отказать, а вот без воды долго бы не протянула. И так тюремщик и тот, кому он подчинялся, сумели бы накачать ее, к примеру, наркотиками или кое чем похуже.

Только вот что было хуже наркотиков?

Юлия сразу пожалела, что спасла Квазимодо жизнь. А потом тотчас устыдилась этой мысли. Да нет, то, что спасла, конечно, не плохо, но это ни на миллиметр не продвинуло ее в сторону выхода из подземелья, а скорее, наоборот, создало препятствие в виде ее горбатого тюремщика.

– Не хотите пить? – осведомилась саркастически Юлия. – Это он вам приказал меня этой гадостью напичкать? Там что, транквилизаторы?

Квазимодо замотал косматой головой, потом вдруг куда-то ринулся, вновь оставив Юлию одну – с приоткрытой

дверью и торчавшими в ней ключами. Пока она раздумывала, что это могло бы значить и что ей следует предпринять, тюремщик вернулся, протягивая ей новую бутылку воды.

На этот раз, как автоматически отметила Юлия, с неоткрученной крышкой, что, однако, ничего не означало – наркотики или даже яд туда можно было ввести иным способом, не повреждая крышки.

– Эта чистая, я сам ее пью. Там ничего нет! – произнес, тяжело дыша, Квазимодо, и Юлия ему вдруг поверила.

Она взяла бутылку воды, открутила крышку и сделала несколько глотков. И только после этого ощутила, как ей хочется пить и есть. И как она устала.

– А что было в другой? – спросила она, и Квазимодо ступешевался.

Допив бутылочку, Юлия протянула ее тюремщику и заметила:

– Благодарю. Воду вы в вашем бункере подаете вкусную. Если, конечно, туда не добавлено невесть чего. Это ведь *он* вам велел?

Практически вырвав у нее из рук пустую бутылочку, Квазимодо молча кивнул.

– Я вообще-то вам только что жизнь спасла, как вы сами изволили заметить. Так если я нахожусь здесь против своей воли, то скажите хотя бы, кто этот *он*!

Квазимодо качнул башкой, а потом осмотрелся, словно на полном серьезе ожидая того, что их кто-то может подслу-

шать.

Юлия же тоже бросила быстрый взгляд на стены коридора. Кто знает, быть может, там имеются камеры, или микрофоны, или все эти новомодные штучки-дрючки, которые позволяют следить за тобой, находясь в совершенно ином месте.

– Это *он*... – выдавил из себя тюремщик, и в его больших водянистых глазах мелькнул страх. Да, Квазимодо (которому, как к своему удивлению поняла Юлия, было вряд ли больше двадцати пяти) определенно боялся *его* – не исключено, что *он* был крайне нелюбезен не только к тем, кто по его прихоти похищался и запирался в камеры этого бункера, но и к своему рабу и тюремщику.

– А у него есть имя? – спросила тихо Юлия, но Квазимодо отрицательно качнул головой.

– А у тебя... То есть у вас есть имя?

Тюремщик встрепнулся, наморщил узкий лоб, словно о чем-то усиленно размышляя, а потом беспомощно улыбнулся, демонстрируя длинные клыки.

– Было. Но я забыл. Я вообще все забываю.

Юлия задумалась. Не исключено, Квазимодо страдает каким-то психическим расстройством, не в состоянии удерживать в своей памяти ужасные события, прямым участником и даже пособником которых он становится, – и это-то и объясняет, отчего этот зловещий *он* остановил свой выбор именно на этом субъекте. Ведь в случае разоблачения тот не сможет сказать ровным счетом ничего!

Или, как вариант, этот самый *он* мог пичкать его именно для того, чтобы Квазимодо не мог ничего вспомнить и тем самым стать опасным для него свидетелем, какими-то таблетками, от которых отшибает память.

И то, и другое доказывало: *он* был *крайне* опасен. Жесток. Бессовестен. И встретиться с ним Юлии не хотелось.

Совсем не хотелось. Она даже начала постепенно понимать, отчего Квазимодо боится говорить о *нем*.

– *Великий Белк грядет!* – пророкотал вдруг Квазимодо и тут же, втянув испуганно голову в плечи, посмотрел по сторонам.

Не поняв, что именно он сказал, вернее, не доверяя своим ушам, женщина переспросила:

– Что вы сказали? Что-то о... белке?

Так, во всяком случае, ей показалось.

Квазимодо, в очередной раз окинув коридор беспокойным, тревожным взглядом, понизил тон и заговорщически произнес:

– *Великий Белк грядет!*

Юлия уставилась на Квазимодо. Так и есть, она не ослышалась. И предположения ее верны: этот несчастный попросту психически нездоров.

– А кто этот... этот *Великий Белк*? – произнесла она, чувствуя, однако, внезапный страх. Потому что это словосочетание – *Великий Белк* – было настолько же абсурдно, как...

Как и *пугающе*.

Квазимодо же, выпучив глаза, бросился к ней, и Юлия уже было решила, что он отчего-то намерился ударить ее, но вместо этого тюремщик всего лишь прикрыл ей ладонью рот.

Ладонь была шершавая и теплая.

– Не громко, не громко! – буквально простонал Квазимодо, а Юлия, которой сделалось по-настоящему страшно, выпалила:

– Иначе *что*?

– Он услышит! – заявил тихо, но уверенно, словно в этом не было никаких сомнений, Квазимодо. – Услышит и придет, и...

Снова осмотревшись, тюремщик сказал совершенно обычным тоном:

– И *съест* тебя!

Юлия поверила – немедленно и безоговорочно. И в то, что этот самый *Великий Белк* существует. И в то, что он, судя по всему, рыщет поблизости, однако в данный момент находится не в бункере, служившем ей темницей. И в то, что если произнести вслух его имя, то Великий Белк заявится сюда.

И в особенности в то, что, оказавшись в бункере, этот неведомый, но такой страшный Великий Белк съест ее.

– Как так *съест*? – выдавила из себя женщина, которой в голову пролезли странные и страшные истории. Пришли на ум и давно читанные сказки. Кто сказал, что сказки – это добрые, веселые, предназначенные для детей истории? *Ничего подобного!* Во многих случаях это садистские, пугающие

истории, полные крови, боли, трупов и невероятной жестокости. У тех же братьев Гримм ведьма-каннибал намеревается запечь детей в печке, чтобы ими полакомиться, а потом эти же дети сжигают эту старуху заживо, с кого-то сдирают кожу, кому-то отрубают конечности и голову, кого-то варят в кипятке, кому-то вороны выклевывают глаза, кого-то пожирают волки...

И если бы только у братьев Гримм... Несчастливым Колобком – *и тем в итоге закусили*. Как и бедной бабушкой Красной Шапочки. Так что детские сказки в итоге – собрание кошмарных историй с кучей маньяков, убийц и дегенератов.

И на таком воспитывают подрастающее поколение?

Да, Колобка, как и бабушку Красной Шапочки, *созжрали* злодеи. Их поглотила то ли Хитрая Лиса, то ли Серый Волк, то ли...

Тут Юлия вздрогнула, вдруг решив, что докопалась до невероятной истины, которую скрывали от детей вот уже многие столетия.

То ли дело *Великий Белк!*

Внезапно перед ее лицом появилась физиономия Квазимодо, который, щелкнув крепкими клыками, произнес:

– Вот *так* съест! – и одарил ее страшной ухмылкой. И Юлия, в ужасе отшатнувшись, в который раз подумала о том, что находится в плену психа. Только, судя по всему, все же психа безобидного или *считающегося таковым*.

Потому что где-то неподалеку ошивался и другой, судя по

всему, псих *очень и очень опасный*.

– А *он...* он когда сюда придет? – произнесла она сипло.

Квазимодо развел лапами и качнул шишковатой головой, то ли не зная, то ли не желая ставить ее в известность.

– Может, *он* вообще не придет? – спросила женщина, вдруг воспрянув к жизни.

Но Квазимодо гаркнул:

– Он грядет... Грядет... *Великий Белк придет и всех нас без горчицы пожрет!*

Он смолк, а Юлия уставилась в коридор, который вел к заперешенной двери. Затем, взяв Квазимодо за лапу, она прошептала:

– Я же вижу, что ты хороший. Правда, очень хороший. И добрый. И очень-очень ответственный... – Она отметила, как задрожало его тело, и продолжила: – И ты ведь мне сочувствуешь, ведь так?

Квазимодо ничего не ответил, однако его некрасивые уши горели, как два мака.

– Тогда зачем ждать явления... явления этого самого... Ну, ты сам знаешь кого...

Лапа тюремщика сжалась, и Юлия подумала, что если что-то приключится, то он сможет защитить ее от...

От Великого Белка!

Однако отчего-то она была уверена, что Великий Белк намного сильнее – на то он, собственно, и *великий*.

– Ты ведь можешь выпустить меня отсюда? – произнесла

она, дотрагиваясь левой рукой до лапы Квазимодо, в которой была зажата ее правая. – Ну, чего тебе стоит... Открой, пожалуйста, ту самую дверь с решеточкой...

Реакция была не та, на которую она надеялась. Взревев, Квазимодо впихнул ее – причем достаточно грубо – обратно в камеру, захлопнул дверь, и до женщины донесся звук трижды поворачивающегося ключа.

– Извини, если я сказала что-то не так! Я не хотела, поверь мне! – крикнула она в не закрытое еще оконце. – Однако я не хочу встречаться с... с ним... Отпусти меня, чего тебе стоит! А ему скажешь, что... что я сбежала!

Квазимодо с грохотом закрыл и оконце, и Юлия снова осталась в крошечной темноте. Длилось это, впрочем, недолго, так как оконце распахнулось, в нем мелькнула шерстистая лапа ее тюремщика, швырнувшего ей бутылочку воды.

– Хорошая. Можешь пить! – проревел он, а Юлия попыталась снова перетянуть тюремщика на свою сторону.

– Ну, что вам стоит... Вы же понимаете, что визит... Визит этого Белка ничем хорошим для меня не закончится. Так выпустите же меня отсюда, прошу вас!

Она ощутила, что по щекам снова струятся слезы.

– Ты не понимаешь! – затараторил тюремщик. – Я не могу выпустить тебя, не могу! Великий Белк грядет! И только здесь тебе будет хорошо!

И он снова захлопнул оконце.

Юлия зарыдала, чувствуя, что сейчас сойдет с ума. Если, конечно, *уже не сошла* и все это не было плодом его воспаленного воображения. Но, судя по всему, в темноте наступила на валявшуюся на полу пластиковую бутылочку воды, из-за чего полетела на пол и ощутила острую боль в коленке.

Растирая коленку, Юлия пришла к неутешительному выводу, что все это, увы, происходит на самом деле.

В кошмарной, на грани фолла, заполненной ужасными фигурами действительности.

В голову лезли *неприятные* мысли. На ощупь отвинтив крышечку и отпивая из бутылки (Квазимодо Юлия верила, и раз он сказал, что вода хорошая, значит, так оно и было), думала о том, в какой переплет попала.

Итак, она оказалась в руках маньяка – точнее, в руках маньяков, ведь Квазимодо, как ни крути, был на посылках у этого самого *Великого Белка*.

Юлия вздохнула. Что же, маньяки, причем жестокие, бывают не только в третьеразрядных фильмах, но и в реальности. В том числе маньяки, похищающие людей, запирающие их в подвалах и...

И делающие с жертвами что-то очень и очень *нехорошее*... Думать о том, что же именно делали подобные маньяки со своими жертвами, Юлия решительно не хотела, но в голове возникли картинки, одна страшнее другой. Она снова заплакала, одновременно отхлебывая воду из бутылочки. Что же, по крайней мере, гидробаланс организма находился бо-

лее-менее в норме.

Из-за этой глупой, точнее, *совершенно идиотской* мысли она начала смеяться, а потом поняла, что у нее самая настоящая истерика.

Впрочем, посмотрела бы она на любого мужика, который бы оказался на ее месте, в лапах маньяка. Нет, судя по всему, даже *маньяков!*

Юлия убедилась в том, что бутылочка пуста. В животе заурчало, она поняла, что ей ужасно хочется есть. Однако идти к двери, барабанить по металлической поверхности и дожидаться появления Квазимодо ей как-то не хотелось.

Потому что – кто знает – вдруг вместо него на пороге окажется этот самый *Великий Белк*.

Юлия – несмотря на то что находилась в темноте, – закрыла глаза и, усевшись на полу, задумалась. Кем был этот *Великий Белк*?

В голове вспыхнула картинка – гигантская монстрообразная белка, которая, подобно кенгуру, прыжками и с жуткой ухмылкой передвигается по коридору, держа в когтистой лапе окровавленный топор.

Юлия хихикнула, потом снова всхлипнула. Нет, речь шла не о животном, а, безусловно, о человеке.

Великий Белк грядет.

С чего она взяла, что это *белк*, то есть белка мужского рода. И долго думала над тем, как называется, собственно, самец белки. А самец мухи? Или бабочки? И вообще там име-

ются самцы? У бабочек, вероятно, нет, ведь они становятся таковыми из гусениц. А есть ли гусеницы-самцы и гусеницы-самки, Юлия понятия не имела. А вот мухи-самки, откладывающие яйца, имеются. Значит, есть и мухи-самцы, а самец мухи, это, что ли, *мух*?

Запретив себе думать о подобной ерунде, Юлия вдруг вспомнила, что в «Московской саге» Василия Аксенова в самом деле имелся *белк*. Только не великий, хотя как посмотреть – белкой, точнее, *белком* после своей кончины в человеческом обличи стал не кто иной, как вождь первой в мире пролетарской революции товарищ Ленин, и глава так и называлась – «Перескок белка».

Юлия поежилась. Но если это так, то куда занес ее собственный перескок? И почему, собственно, *белк*? Может, она неправильно поняла Квазимодо, шепелявившего и выражавшего свои мысли весьма непонятно. Но нет же, он так и сказал: «Великий Белк грядет».

Значит ли это, что концепция писателя Аксенова правильная и люди после смерти становятся белками?

После смерти... Умирать Юлии совершенно не хотелось. А если все же придется, то не сейчас и точно уж не здесь, в этом мрачном бункере, в лапах невесть каких безумцев.

Юлия вспомнила другого литературного персонажа – Бармаглота из «Алисы в Стране чудес». Это ведь тоже был монстр, изображавшийся разными художниками по-разному: то в виде огнедышащего дракона, то некого подобия ди-

нозавра. Да и, в зависимости от переводчика, это существо из английской сказки звалось то Бармаглотом, то иначе. Не было у этой твари ни точного имени, ни облика...

Юлия похолодела, вдруг чувствуя, что ухватила нить верной мысли, однако быстро убедилась, что клубок упорно не желал разматываться.

Она вернулась к своим предыдущим размышлениям. А что, если она просто поняла Квазимодо неверно. Может, это не белк, а *бэлк*? Она попыталась переставить буквы, потому что, не исключено, это был какой-то шифр. Но что такое в таком случае *клэб* или *клеб*? Неправильно написанный *хлеб*?

Блэк? Уже лучше. По-английски это значит: «черный». Только *при чем* тут английский?

А может, «белк» – это иностранное слово? Если так, то Юлии оно ничего не говорило – а вдруг это какой-то древний вымерший язык или язык существующий, но малораспространенный? *Что тогда?*

Она попыталась переставлять буквы. *Лкеб? Бекл? Елкб?*

Юлия устало вздохнула. Нет, все это не имело ни малейшего смысла. Как и то, что она оказалась в бункере, охраняемом Квазимодо, который с ужасом ожидал какого-то грядущего Великого Белка.

А что, если это псевдоним, вернее, кличка *или что-то в этом роде*? Например, у всех этих рэперов, устраивавших баттлы, которых Юлия не выносила на дух, тоже были непроизносимые имена, составленные зачастую частично из рус-

ских и латинских букв.

Или, может статься, что *Великий Белк* – это известная медийная личность, о которой она, в силу того, что редко смотрела телевизор, не имеет понятия.

Юлия задумалась, желая припомнить, как часто смотрит телевизор и с чего она вообще взяла, что делает это редко.

В голове вдруг словно щелкнуло, и она вспомнила – ну конечно же имелся же этот околополитический комментатор и демагогический иллюзионист-агитатор, вальяжный и веле-речивый, любящий дорогой коньяк и пестрые вязаные безрукавки. Господин Бэлкловский, *то ли* Светозар, *то ли* Святослав. Она в машине частенько слушает радио, на котором он каждый божий день с юмором и постоянными подколками что-то объясняет, напускает туману, в основном крайне изобретательно мороча слушателям голову, подобно пифии вещает, то и дело ссылаясь на свой любимый зороастрийский календарь, по которому якобы можно моделировать всю мировую историю вообще и российскую историю в частности.

Неужели это он ее похитил?

Юлия отмела эту еретическую мысль, однако настроение у нее заметно улучшилось. Какое-то время она думала над тем, есть ли в зороастрийском календаре год или месяц Белки. Или, быть может, *Великого Белка*?

Кто же, черт побери, он есть?

В этот момент дверь гроыхнула, и Юлия от ужаса подскочила, уверенная, что своими мыслями привлекла Вели-

кого Белка и что он, чьего появления Квазимодо так боялся, появился в подвал.

Чтобы *съесть* ее.

Хорошее настроение как ветром сдуло, Юлия дала себе зарок, что просто так не сдастся и будет бороться за свою жизнь до последнего, даже если этот *Великий Белк* окажется не человеком, а в самом деле сказочным монстром наподобие того же самого Бармаглота или склизких зубастых «Чужих» из одноименного фильма.

Но на пороге стоял Квазимодо, державший в руках старый полосатый матрас.

– Это для тебя! – произнес он, пронося матрас в камеру и укладывая его на бетонный пол. А затем он повернулся к Юлии и вручил ей тапочки огромного размера, наверное, свои собственные – потрепанные, малинового цвета.

Однако важен был не подарок, а внимание. Юлия быстро нырнула в них. В тапочках было тепло и уютно. Женщина обхватила шею Квазимодо и поцеловала его в щеку.

– Спасибо тебе! Можно я буду говорить «ты»? Ты очень хороший!

Квазимодо расцвел, а Юлия почувствовала, что ей делается стыдно. Она ведь поцеловала его в щеку и теперь расхваливает с одной-единственной целью: чтобы усыпить бдительность своего тюремщика, завязать с ним добрые отношения и использовать все это для организации побега.

Но это не отменяло того, что Квазимодо ей отчасти нра-

вился – не таким уж он был и плохим. И, вероятно, как и она сама, жертвой Великого Белка.

– А когда именно он грядет? – спросила Юлия, щупая матрас. – У него есть какое-то, так сказать, расписание визитов?

Квазимодо засопел, и женщина поняла, что эта тема тюремщику явно неприятна. Не исключено, он и сам не в курсе, как часто этот самый Белк навещается к своим пленникам.

А знает ли он, что тот *делает с ними*?

Квазимодо молча направился к двери, а Юлия сказала ему в спину:

– Вообще-то я не отказалась бы поужинать. Ну, или позавтракать. Который, кстати, сейчас час?

– У нас всегда полседьмого! – ответил обиженным тоном Квазимодо, и Юлия вздохнула: хорошо бы еще знать, *утра* или *вечера*. И какого дня, какого месяца, было бы тоже неплохо выяснить...

– А почему? – спросила Юлия, однако Квазимодо уже вышел в коридор и, *не забыв закрыть дверь*, куда-то направился.

Полседьмого? Что-то шевельнулось у Юлии в памяти, но так же быстро и снова пропало.

(*Веселые бельчата, веселые бельчата, веселые бельчата...*)

На этот раз отсутствовал Квазимодо недолго и притащил Юлии целый поднос с черствым хлебом, копченой колбасой, недозревшими зелеными яблоками и отчего-то голов-

кой чеснока.

Юлия набросилась на хлеб с колбасой, уничтожив их в течение нескольких минут. Закусив кислым яблоком, она вздохнула, чувствуя, что ее клонит в сон.

Удивительно, но факт: после ужина (а быть может, *завтрака*) ситуация не представлялась ей уж такой мрачной и безнадежной.

Однако, переборов сонливость, Юлия посмотрела на торчавшие в замке ключи и произнесла:

– А где у вас...

Она смолкла, а Квазимодо непонимающе уставился на нее.

– Ну, мужики, отчего вы все такие непонятливые? Где у вас туалет! – выпалила Юлия.

Квазимодо усмехнулся и сказал:

– В коридоре!

Он сопроводил ее в коридор и, о счастье, повел в нужном направлении. Там, напротив кухни, он указал на незамеченную ей ранее дверь.

– Сюда!

Он распахнул дверь, и Юлия сердито заметила:

– Вряд ли в твои обязанности входит сопровождать меня сюда.

Квазимодо, покраснев, протоптал на кухню, а Юлия, прикрыв дверь, но не до конца, принялась наблюдать за ним. Какое-то время он топтался на кухне, затем, вытащив из холо-

дильника несколько йогуртов, куда-то понес их на подносе. Юлия поняла, что Квазимодо потащил их ей самой, в камеру.

Выждав пару мгновений, она выскользнула из уборной и увидела шествовавшего по коридору Квазимодо.

Вдруг она заметила старинный дисковый телефонный аппарат кошмарного ядовито-горчичного цвета. Едва сдерживая крики радости, Юлия схватила трубку – и поняла, что аппарат, находившийся на столе, не работал: еще бы, он не был подключен к телефонной розетке, да и таковой нигде в гладкой бетонной стене и в помине не было.

Кинув трубку обратно на рычаг, Юлия приуныла. А повернувшись, заметила *лежавшие на кухонном столе ключи*.

Одним движением Юлия схватила их и подбежала к решетке. Та была заперта. Юлия принялась дрожащими руками подбирать ключи, однако не могла понять, где же замочная скважина.

И только через несколько мгновений сообразила, что таковой вообще не было – по крайней мере, изнутри. Зато имелась замочная скважина с обратной, наружной стороны – то есть дверь мог открыть только тот, кто придет сюда извне. Но не тот, кто находится в подвале. И это означало: не только она сама, но даже и Квазимодо был пленником в этом страшном месте, ведущая к которому дверь открывалась только с другой стороны.

И Юлия уже знала, у кого имелся ключ: у *Великого Белка*.

Ей удалось, просунув руки сквозь решетку, вставить ключ в замок с обратной стороны – однако он не двигался.

Еще бы, не могла же она ожидать, что подойдет первый же из двух десятков ключей, которые болтались на связке. Юлия с трудом вытащила ключ из скважины, попыталась вставить другой, однако поза была неудобная, а движения нетренированными, поэтому связка полетела на пол.

С обратной стороны решетки.

Бросившись на колени, Юлия попыталась достать связку ключей, лежавших с другой стороны, однако не могла до них дотянуться. А ведь Квазимодо мог вот-вот вернуться! И какова, интересно, будет его реакция, когда он увидит ее – и в особенности свою связку ключей, лежащую с обратной стороны решетки и красноречиво свидетельствовавшую о попытке побега, которую предприняла пленница.

Юлия от безысходности заплакала, проклиная всех на свете. Слезы застилали глаза, и ей требовалась швабра или, на худой конец, половник, чтобы дотянуться до связки ключей и подтянуть их к себе.

Она ринулась к кухонному столу, выдвинула ящик, вытащила длинный нож с побуревшей ручкой (женщина запретила себе думать о том, что именно резали им), как вдруг ее взгляд упал на висевший на гвоздике над мойкой ключ на зеленой тесемочке.

А там же, в неожиданном для часов месте, висел и пожелтевший циферблат явно неисправной конструкции, на кото-

ром две стрелки показывали время: *половину седьмого.*

(Веселые бельчата, веселые бельчата, веселые бельчата...)

Юлия выпустила из рук нож и сорвала ключ, причем с такой силой, что выдернула из стены гвоздик. Затем она подкралась к углу и посмотрела в глубь коридора – Квазимодо возился около ее камеры, кажется, делая уборку.

Уборка в подземном бункере, в котором содержатся похищенные серийным маньяком. И, не исключено, *маньяком-убийцей.*

Тем, чьего прихода с таким трепетом ждал Квазимодо. И кого он называл *Великий Белк.*

Юлия бросилась к решетке, присела на бетонный пол, изогнулась, зажав во вспотевшей руке ключ, – и вдруг заметила, что на разношенных тапочках, принесенных ей Квазимодо, имеется вышивка.

Это была зажавшая в лапках желудь хитрая *белка.*

Или, кто знает, *Великий Белк?*

От неожиданности выпустив из рук ключ, Юлия с ужасом услышала тихое звяканье. Однако, к великому счастью, ключ хоть и упал с обратной стороны решетки, но в отличие от связки ключей не так далеко. Поэтому, без проблем дотянувшись до ключа, Юлия схватила его, приказала себе сосредоточиться, сбросила тапочки с *белкой*, закрыла глаза – и безо всяких проблем вставила ключ в замочную скважину.

Ликуя, Юлия подскочила на ноги и, не ощущая под сто-

пами холода, попробовала повернуть ключ. Тот поддался и, щелкнув, сделал один поворот. Все еще не веря своему счастью, Юлия повернула его *еще раз*. Еще один щелчок, приближавший ее к свободе. Наконец, *третий*.

Решетка медленно, издав легкий скрежет, от которого у Юлии душа ушла в пятки, отошла в сторону, и женщина осторожно ступила на другую сторону.

Она подобрала связку ключей и прихватила их с собой – кто знает, быть может, они ей еще пригодятся. Она двинулась по коридору, который, однако, резко ушел в сторону, а затем привел ее к небольшой, в несколько ступеней, лестнице, опять же из бетона, которая уводила куда-то вниз.

К черной двери без ручки и без тюремного оконца, над которой горел покрашенный черной краской фонарь.

Юлия осмотрелась – больше никакой двери, окна или лаза в коридоре не было. Значит, эта дверь и была выходом на свободу.

Или, кто знает, входом туда, где было еще намного *ужаснее и страшнее?*

Возвращаться обратно, к Квазимодо, Юлия точно не намеревалась. Она спустилась по лестнице к двери, приложила к ней ухо, прислушалась, стараясь поймать хотя бы звук.

– Тут кто живой есть? – произнесла она, чувствуя, что душа у нее уходит в пятки. Потому что подумала о том, что упадет в обморок от ужаса, если вдруг откуда-то раздастся тихий скрипучий голос:

«Живой нет, а вот *мертвый...*»

Но никто подобной глупости, которая встречается в тех самых, ненавистных ей, но столь любимых Стасом (черт побери, почему именно *Стас*?) фильмах ужасов, не произнес. Однако Юлии показалось, что за дверью раздалось какое-то шевеление. Или, быть может, кто-то вздохнул.

Не исключено, конечно, что она все это сама выдумала.

Юлия снова обернулась, размышляя над тем, что вернуть-ся к Квазимодо – не такая уж дурацкая идея. Однако она сама не заметила, как ее рука воткнула ключ, все тот же самый, на зеленой тесемочке, в еле приметную замочную скважину.

В которую ключ вошел, как нож в масло. Юлия подумала, что метафора *далеко не самая подходящая*, дернула было ключ, решив, что не стоит все же открывать эту странную и *страшную* дверь.

Однако при этом повернула ключ, замок щелкнул, и босыми ногами Юлия вдруг ощутила легкое дуновение. Посмотрев вниз, она вдруг поняла, что *дверь приоткрылась*.

Юлия осторожно раскрыла ее, ожидая увидеть там все, что угодно. Например, притаившегося Великого Белка. Или камеру с развешанными на крюках мертвыми телами.

Или даже выход на улицу, ведущую к станции метро на московской окраине.

Однако ничего этого в камере не было – ровным счетом ничего. Юлия присмотрелась и поняла, что камера просто-напросто *пуста*.

И ради этого она подвергала свою жизнь опасности и очаровывала Квазимодо?

Внезапно из самого темного угла, прямо за дверью, донесся явный вздох, и Юлия в ужасе подпрыгнула.

Нет, она ошиблась, в камере все-таки *кто-то был*. Первым желанием Юлии было бежать прочь, не забыв, однако, закрыть дверь на замок. Однако, неимоверным усилием воли пересилив себя, Юлия, чувствуя, что волосы на голове у нее начинают шевелиться, сипло произнесла:

– Кто здесь?

В темноте – свет фонаря не попадал в угол за дверью – что-то шевельнулось, выдвинулось вперед, и Юлия, инстинктивно отступив назад, услышала вздох.

И вслед за этим ее глазам предстала девочка лет десяти, с заплетенными в косички белыми волосами, украшенными нелепой заколкой с *веселой белочкой*. Выбившиеся из косичек пряди, сальные и грязные, спадали до самого подбородка. Под ними еле угадывалось бледное, усеянное редкими веснушками лицо. Облаченная в лохмотья, некогда бывшие платьем, девочка стояла с закрытыми глазами.

Юлия вдруг прижала ее к себе и, глядя по тощей спине, чувствуя каждый позвонок, вдруг странно, *словно придушенно*, сказала:

– Господи, моя хорошая, все в порядке! Все закончилось! Что он сделал с тобой, что он сделал...

И вдруг поняла, что совершенно не хочет знать то, что он

сделал с юной пленницей.

Он, Великий Белк. *Кто же еще...*

Девочка, тельце которой сотрясало в рыданиях, пробормотала:

– Господи! Юлюсик! Ты наконец пришла! Я так рад, что ты пришла! Наконец-то...

Юлия, осторожно отстранив от себя девочку, лицо которой не выражало никаких эмоций, а глаза были все еще закрыты, спросила, чувствуя, что во рту внезапно пересохло:

– Откуда ты знаешь, как меня зовут?

Девочка, снова повиснув у нее на шее, ответила:

– *Он* сказал! Он сказал, что ты придешь! И что тебя зовут Юлия!

Юлия попыталась отстранить ребенка от себя, но это не получилось – она ощутила длинные острые коготки девочки, которые впились ей в шею.

– Кто он? – произнесла тихо Юлия, сердце которой вдруг забилося с утроенной силой. Потому что в ее голове крутилась одна и та же мысль: *«А кто, собственно, сказал, что Великий Белк обязательно мужчина, а не, скажем, девочка-подросток?»*

– Ты ведь сама знаешь, Юлюсик, не так ли? – раздался голос девочки, но голос этот был... был совсем не голос девочки. Он был такой страшный – и такой знакомый. Юлия могла поклясться, что знает, кому он принадлежит.

Но не помнит.

– Кто он? – закричала Юлия, с силой отшвыривая от себя девочку.

Та, упав на пол, захныкала, и голос у нее был прежний, нормальный, детский. Юлия ужаснулась самой себе – она подняла руку на ребенка! Причем на ребенка, который, судя по всему, гораздо дольше ее самой был пленницей психопата или даже команды психопатов и претерпевал, не исключено, кошмарнейшие мучения, о которых она, взрослая тетка, не имела и *не хотела* иметь понятия.

На ребенка, который, скорее всего, сошел с ума от ужаса, но который оставался ребенком и которому требовалась помощь.

– Детка, извини, я не хотела... – произнесла, склоняясь над девочкой, Юлия, а та вдруг подняла на нее свое личико, по-прежнему полускрытое волосами, и прошипела:

– Сама пришла ко мне, Юлюсик! Сама! Я так и знал, так и знал, что ты ко мне придешь...

И рукой откинула волосы с лица – и Юлия в ужасе увидела, что глаза у девочки были закрыты, а рот...

Защит. Проволокой.

Девочка железной хваткой схватила Юлию за руку. Та, снова откинув от себя девочку, выбежала прочь и захлопнула дверь. И, к своему ужасу, убедилась в том, что ключ на зеленой тесемочке, который должен был торчать с обратной стороны двери, исчез.

Неужели она забрала его с собой и забыла теперь в камере

с этой... с этой странной девочкой?

С девочкой, которая отчего-то говорит о себе от лица мужчины.

И Юлия была уверена: *от лица Великого Белка.*

Нет, ключа она с собой не брала. Тогда его исчезновение можно было объяснить единственным образом: кто-то, пользуясь тем, что она была занята с девочкой в камере, подкрался и вытащил ключ из двери.

Неужели Квазимодо?

Юлия отошла в сторону, потому что дверь отлетела в сторону, как будто распахнула ее не немощная хилая девочка, а взрослый тренированный мужчина.

Девочка, криво ухмыляясь, стояла на пороге. Глаза ее были все еще закрыты.

– Юлусик, не надо от меня бежать, – донеслось с порога, хотя девочка явно *не могла* говорить: рот-то у нее был *зашит*. – Ну, иди же ко мне! Ты ведь хочешь узнать, кто я такой? Так давай я тебе расскажу!

Но если это говорила не девочка, то тогда *кто?* Ответ был очевиден: *Великий Белк.*

– Нет, извини, не хочу. Я не хотела тебя тревожить... – бормотала, отступая, Юлия, сама не ведая, что ей делать.

– Ты ведь думаешь о том, отчего я говорю о себе, как о мужчине? – неслось от девочки, а Юлия затрясла головой:

– Нет, не хочу... Поверь мне, не хочу...

– Врешь! – взывала девочка. – Как пить дать, врешь! Юлю-

сик, какая же ты лгунья. Я этого не люблю, ой как не люблю...

Юлия пятилась, а девочка наступала на нее. Наконец Юлия хребтом уперлась в решетку – значит, она вернулась обратно, к бункеру с Квазимодо.

– А хочешь ли ты узнать, отчего я не открываю глаз? – произнесла, не раскрывая зашитого рта, девочка, и Юлия истошно закричала:

– Не хочу! Не хочу! Не хочу! Оставь меня в покое и иди туда, откуда пришла...

Девочка усмехнулась, причем не по-детски, а как старый прожженный циник, и с деланным удивлением протянула:

– Ну, детка, тыхватила. Не я к тебе пришел, а ты сама ко мне заявила. И мой покой нарушила. Вытащила на свет божий и еще хочешь, чтобы я же и убрался. Какая ты, однако, *тварь!*

Девочка надвигалась на нее, причем шла она, несмотря на свои закрытые глаза, уверенно, как будто глаза для перемещения по коридору ей вовсе и не требовались.

– Так хочешь, чтобы я открыла глаза? – взревела вдруг девочка, а Юлия завопила:

– Нет, не хочу! Не хочу! Не хочу!

В этот момент кто-то со спины рванул ее на себя, протаскил через дверь на кухню, и Юлия поняла, что это был вовремя подоспевший Квазимодо.

Он захлопнул перед носом девочки решетку, а девочка

расхохоталась:

– От меня не уйдешь, Юлюсик! Нет, не уйдешь!

И открыла глаза.

Юлия всегда думала – что такого страшного в том, что Вий грозился поднять веки. Ну, или требовал, чтобы прочая нечисть их ему подняла. Черти, кикиморы и вурдалаки, за-полонившие сельскую церквушку, всегда казались ей гораздо более ужасными креатурами, чем погань с неподъемными ресницами.

Но теперь она поняла, что же свело с ума несчастного Хо-му и какой взгляд был у Вия.

Глаз у девочки не было – *вообще никаких*. Вместо них зияли пустые черные глазницы. Юлия закричала и, отталкивая Квазимодо, бросилась по коридору к себе в камеру.

Оказавшись в ней, она забилась в угол. Дверь раскрылась, и к ней присоединился трясшийся от ужаса тюремщик.

– Зачем ты впустила его... Зачем... – бормотал он, вжи-маясь в стену.

– Это и есть *Великий Белк*? – спросила Юлия, впрочем, зная ответ на этот вопрос.

Квазимодо, прислушавшись, повел головой и произнес:

– Кажется, ушел. Потому что это не его территория...

– Что это значит? – спросила Юлия, а тюремщик заявил:

– Сиди тут. Я тебя запру!

Он вышел в коридор, а Юлия, которая недавно все бы от-дала, чтобы покинуть камеру, была счастлива, когда услы-

шала, как он запирает ее на три оборота.

– Не оставляй меня, прошу тебя! – крикнула она, но Квазимодо, что-то бормоча, двинулся прочь.

Так прошло несколько минут. Юлия в изнеможении опустилась на матрас и поняла, что у нее нет даже сил, чтобы плакать.

В этот момент в дверь что-то ударило. Юлия подскочила. Последовал еще один удар, гораздо сильнее. Затем распахнулось оконце, и в глаза ей ударил нестерпимый яркий свет, как будто кто-то направил на нее мощный прожектор.

– Юлюсик! Я же сказал, что от меня не уйдешь! Ты искала меня, и я тебя нашел!

Юлия истошно закричала, потому что массивная дверь стала ходить ходуном, а потом, словно под влиянием огромной внешней силы, треснула. В трещины полился нестерпимый яркий свет. Юлия продолжала кричать. В пустом дверном отверстии вдруг возник силуэт, но из-за невыносимой яркости света Юлия не могла разобрать, кто это. Она даже была не в состоянии сказать, ребенок это или взрослый.

Она знала только одно: Квазимодо предупреждал, что Великий Белк грядет. И вот момент настал – *Великий Белк пришел.*

И пришел он, чтобы *съесть ее.*

– Юлюсик! Вот и я! Пойдем со мной! Пойдем со мной! Я сделаю тебе хорошо. И очень, очень, очень *больно...*

К ней тянулась чья-то шерстистая когтистая лапа, Юлия

кричала и кричала. И вдруг поняла, что длинные холодные пальцы схватили ее, поняла – и закричала еще сильнее...

Вне бункера

...И открыла глаза. Кто-то держал ее за руку, и Юлия, крича, попыталась увернуться. Но вместо этого как-то неудачно накренилась – и полетела куда-то вниз. Ей хотелось только одного: чтобы Великий Белк не прикасался к ней.

Не прикасался к ней...

– Великий Белк, – прошептала она и посмотрела на монстра, державшего ее за руку.

Только это был вовсе не монстр, а миловидная, облаченная в светло-зеленый медицинский комбинезон женщина, пытавшаяся ее успокоить.

Юлия затравленно осмотрелась – и поняла, что выпала из кровати, больничной кровати, располагавшейся вовсе не в непонятном бункере и не в камере без окон, а в просторной комнате, вернее, палате.

– Где *он*? – спросила Юлия женщину, а та, продолжая держать ее руку, ответила:

– Все в порядке, все в полном порядке... Ведь это был сон, всего лишь сон!

Юлия, вдруг поняв, что ее голову опутывают провода, подсоединенные к странным сверкающим и попискивающим приборам, принялась срывать их с висков, шеи и запястий.

Дверь растворилась, в палату быстрым шагом прошел

полноватый лысый врач в огромных размерах очках-велосипеде – такие были популярны, если судить по старым фильмам, еще до войны, потом надолго и надежно вышли из моды и вот недавно снова сделались шикарным аксессуаром.

Юлия уставилась на него, пытавшегося ей что-то объяснить и желавшего, чтобы она оставила провода в покое. Женщина же думала над словами медсестры.

Все это был *сон*, всего лишь сон...

И помещение, и обстановка разительно отличались от того мрачного, гиблого места, в котором... В котором она только что находилась. Или, во всяком случае, считала, что находилась.

Да и врач, все еще пытавшийся что-то ей объяснить, не был тюремщиком-Квазимодо. А миловидная медсестра ничуть не походила на девочку с пустыми глазницами.

– Юлия Васильевна, мы же договаривались. Это в ваших же интересах! Вы же хотите избавиться от кошмаров, не так ли?

Юлия непонимающе посмотрела на него – и вдруг *вспомнила*. И от сердца тотчас отлегло. Господи, а ведь она все это время считала, что то, что происходило в страшном подвале, реальность.

А это в самом деле был только сон, *пусть и страшный*.

Доктор отдал распоряжения медсестре, назначив внутривенную инъекцию какого-то препарата. Когда та склонилась над Юлией со шприцем, женщина инстинктивно отпрянула

и закричала:

– Нет, оставьте! Я не хочу! Не делайте мне никаких инъекций!

Доктор пожал плечами, медсестра, на лице которой возникла недовольная гримаска, так и замерла со шприцем в руке.

– Юлия Васильевна, ну я же подробно вам объяснил, что препарат легкий и что вам в вашем состоянии обязательно требуется...

Лысый доктор замолчал, потому что в палату вошел высокий темноволосый мужчина со стильной щетиной на мужественном лице и завораживающими пронзительными синими глазами.

В течение секунды или, может быть, двух Юлия смотрела на него, не понимая, кто это, а потом в голове словно щелкнуло – и все стало на свои места. Она едва не покраснела, стыдясь того, что не узнала в первый момент своего собственного мужа, Романа.

– Солнышко, с тобой все в порядке? – спросил он, подходя к по-прежнему сидевшей на полу Юлии, не дожидаясь ответа, с легкостью подхватил ее и бережно усадил на кровать, с которой той довелось свалиться.

Затем мужчина склонился и поцеловал Юлию в висок.

– И все же я настоятельно рекомендую, чтобы после сеанса сонотерапии... – бубнил доктор, а муж, внимательно взирая своими пронзительными синими глазами на Юлию, от-

рывисто произнес:

– Благодарю вас, Эдуард Андреевич. Однако никакая инъ-екция, как уже сказала моя супруга, нам не требуется. И не могли бы вы оставить нас наедине.

Врач и медсестра удалились, а последняя даже прикрыла за собой дверь. Юлия вздрогнула, потому что на мгновение представила, что это совсем иная дверь. Та самая, черная, за которой притаилась ужасная девочка с зашитым ртом и пустыми глазницами.

– Солнышко, на тебе лица нет. Извини, что пришлось под-вергнуть тебя всему этому. Однако мы сейчас отсюда уедем и больше никогда не вернемся, – проговорил муж, обнял ее, и Юлия, чувствуя его поцелуй и крепкие объятия, устыди-лась того, как могла забыть о том, что уже почти два года за-мужем за Романом. Нет, она не могла этого забыть, не имела права – и тем не менее во время этого жуткого сна напрочь упустила это из виду.

Как будто попала в иную реальность.

– Ну, все хорошо, солнышко! – Муж прижал ее к себе, и Юлия, уткнувшись ему в широкую грудь, вдруг разревелась.

– Это было так... так *ужасно!* И, что еще хуже, так... так *правдоподобно!* Я думала, что все то, что мне приснилось, и является... Является реальностью. И происходит со мной на самом деле... И эта девочка...

Юлия перестала плакать, подняв голову, потому что в па-лату вошла другая медсестра, которая принесла на подносе

стакан и бутылочку минеральной воды.

Точно такой же марки, *как и в бункере*. Том самом бункере, в котором Юлия оказалась во сне.

Юлия вздрогнула, Роман нетерпеливо махнул рукой, давая понять, что момент более чем неподходящий. Медсестра, виновато улыбаясь, прикрыла дверь – и Юлия вдруг закричала.

Потому что за мгновение до того, как дверь оказалась прикрытой, увидела в коридоре знакомую фигуру – бледную изможденную девочку с косичками, в странном потрепанном платье, *с зашитым ртом и с пустыми глазницами*.

– Там, там... Она там! – крикнула Юлия, указывая дрожащей рукой на дверь. Роман ринулся к двери, распахнул ее, чем до смерти напугал медсестру с подносом.

В коридоре, разумеется, не было никакой девочки.

– Она только что была там! – упрямо заявила Юлия, понимая, насколько абсурдно, более того, *идиотично* звучат ее слова.

Роман, схватив за локоть медсестру с подносом, требовательно произнес:

– В коридоре кто-то был?

Та, к ужасу Юлии, кивнула, а Роман потребовал сказать, кто же именно.

– Эдуард Андреевич был. Потом Женя, одна из наших медсестер. Ну, и только что один из пациентов прошел...

Роман пожелал знать, что именно за пациент и не была

ли этим пациентом девочка с косичками. Медсестра, вытираив на него глаза, ответила:

– У нас детей в качестве пациентов нет. Потому что со-
нотерапия применяется только ко взрослым. А если к паци-
ентам и приезжают дети, то здесь они не ходят. И нет, ника-
кой девочки здесь нет и в помине. И мальчика, кстати, тоже.
А теперь отпустите, прошу вас, мой локоть. Вы делаете мне
больно!

Сухо извинившись, Роман закрыл дверь, подошел к Юлии
и, усевшись рядом с ней на широкую больничную кровать,
обнял. Та, снова зарывав, склонила ему голову на плечо.

– Господи, Рома, я схожу с ума. Твоя жена – псих! При-
чем не в переносном значении, а в самом настоящем. Крайне
опасный клинический псих!

Роман нежно погладил ее по голове и, поцеловав в ухо,
произнес:

– А если я скажу тебе, что тоже только что видел эту самую
девочку в коридоре...

Юлия отпрянула, уставившись на мужа, и медленно про-
изнесла:

– Не надо меня жалеть. И врать, чтобы подыграть мне,
тоже не надо. Так ты видел девочку в коридоре или нет?

Муж, посмотрев на нее, отвел взгляд своих синих глаз и
беспомощно вздохнул. И Юлии даже не потребовался его от-
вет, чтобы понять – *нет, не видел.*

– Вот видишь, медсестра не видела! Ты не видел! А я *виде-*

ла! Эту самую девочку-монстра с зашитым проволокой ртом и ужасными пустыми глазницами. Сначала я вообразила, что она появилась в подвале нашего особняка. Потом она стала приходить ко мне в этих ужасающих, невероятно реалистичных снах. А теперь она преследует меня *везде!*

Юлия снова заплакала, чувствуя, однако, что слезы иссякли. Она и так в последние месяцы и недели слишком много плакала. Сначала гибель мамы в автокатастрофе. Потом смерть отца – причем она не знала, был ли это несчастный случай или завуалированное самоубийство. А потом кутерьма с этой чертовой девочкой с зашитым ртом и пустыми глазницами.

Чертовой...

И сны – ужасающие, такие затягивающие, похожие на параллельную реальность сны.

– Ну, солнышко, для этого мы и здесь, в этом частном медицинском институте, который специализируется на пациентах с нарушениями сна, чтобы вылечить это...

Роман, как всегда, пытался приободрить ее и настроить на позитивный лад.

Юлия, оторвавшись от груди мужа, посмотрела на него и, вздохнув, ответила:

– А что, если это *неизлечимо*? Что, если я схожу с ума или, кто знает, *уже сошла*? И если меня посадят в психушку, в закрытое отделение для буйных?

Поцеловав ее в нос, Роман заявил:

– Тогда я тоже заявлю, что вижу девочку с зашитым ртом, и меня запрут в то же отделение, где находишься и ты, солнышко. И мы таким образом воссоединимся!

Юлия невесело усмехнулась и, сорвав последний провод с головы, ответила:

– Но вся разница в том, что ты ее не видишь, а я вижу. Значит, со мной что-то в самом деле творится страшное! И что я *больна!*

Муж положил ей на плечо руку и, нахмурившись, сказал:

– Ты это брось. Мы уже об этом говорили. Слава богу, что это никакая не опухоль в мозгу, которая приводит к галлюцинациям.

– *Лучше бы* была опухоль! – заявила в сердцах Юлия. – Ее можно было бы вырезать. Или лечить. И я бы знала: все эти девочки с зашитыми ртами – результат того, что опухоль в моем мозгу давит на определенные участки и провоцирует галлюцинации. А так... Так приходится смириться с мыслью, что я *сошла с ума!*

Роман, строго посмотрев на нее, произнес:

– Миллионы людей отдали бы все на свете, чтобы они сами или их родные и близкие *никогда бы* не заработали опухоль головного мозга, а ты сожалеешь, что *у тебя ее нет*. Мне это не нравится, солнышко!

Юлия вздохнула и ответила:

– Думаешь, *мне* это нравится? Эта девчонка преследует меня везде... Ведь именно из-за того, что она привиделась

мне в подвале нашего дома, нам пришлось оттуда съехать и перебраться в московскую квартиру. Там я на нее еще пока что не натыкалась, однако она возникла здесь, в клинике! И это – вопрос времени, пока она не доберется и до нашей спальни!

Взглянув на нее, муж сказал:

– В триллере в итоге бы выяснилось, что девчонка существует. Только видишь ее только ты, потому что обладаешь паранормальными способностями и можешь (тут он понизил голос и скорчил уморительно-страшную гримасу) *говорить с мертвыми...*

Юлия прыснула – чего Роману было не занимать, так это легкого, веселого отношения к любой проблеме. Только вот как он отнесется к тому, если выяснится, что его жена шизофреничка? Или страдает еще каким-то тяжелым психическим заболеванием.

– Или что эта девочка пришелец и что пришельцы окружают нас, не видимые для обычных, глупых, людишек вроде доктора и меня. И только *избранные* могут узреть их в полной красе!

Юлия больше не улыбалась, потому что на мгновение ей показалось, что за спиной Романа возникла, а потом исчезла...

Бледная девочка с косичками, в старом платье с зашитым проволокой ртом и с пустыми глазницами.

– Тебе нехорошо? – спросил супруг, заметив, как переме-

нилось ее лицо, но Юлия уверила его, что все в порядке.

Видение (если оно вообще было) исчезло, и никто за спиной Романа конечно же не возникал и не пропадал. Эта чертова девочка была только в ее воображении, вернее, в ее голове, в ее мозгах.

И во снах.

А с некоторых пор – *и в окружавшей ее действительности.*

– *Опять* ее увидела? – спросил муж отрывисто, и Юлия знала, что если он говорит в таком тоне, значит, он чем-то взволнован или недоволен.

– Да нет же, – соврала Юлия. – Просто устала.

Муж, кажется, не поверил ей, однако настаивать на своем не стал. Снова поцеловав Юлию, он произнес:

– Нет, зря мы сюда подались. Похоже, это новомодная сонотерапия только все ухудшает, а не избавляет тебя от проблем...

Юлия, бросив взгляд на стоявшие около кровати приборы, медленно произнесла:

– Я так не думаю. Потому что....

Она смолкла, а Роман взял ее за руку:

– Солнышко, что ты хочешь сказать?

Юлия, запинаясь, выпалила:

– Потому что... Потому что если *это* и можно побороть, то там... *Во снах!*

Муж взглянул на нее с неподдельным изумлением, а

Юлия зачастила:

– Да, понимаешь, это ведь сон... Но какой-то очень странный... У всех нас есть повторяющиеся мотивы, даже несколько, которые то и дело приходят к нам ночью. Однако стоит мне закрыть глаза – и ко мне является рано или поздно эта чертова девочка! И если этому и можно положить конец, то только если узнать, откуда она пришла... Откуда *он* пришел...

– *Он?* – произнес обеспокоенно Роман. – Ты хотела сказать *она*?

Юлия не знала, говорить ли ему о том, что привиделось ей во сне. О *Великом Белке*, о котором она узнала от Квазимодо. И который, судя по всему, говорил с ней через девчонку с черными глазницами.

Откуда Квазимодо взялся, она уже поняла – из реальности, *ее собственной*. Она помнила, как, побывав на мюзикле «Собор Парижской Богоматери», том самом, на котором и познакомилась с Романом (их места оказались случайно рядом), впечатлилась поистине зверским обликом зловещего, а по сути, несчастного горбуна, который наверняка отложился в глубинах ее памяти.

И перенесся в таинственный бункер, служивший inferнальной декорацией ее повторяющегося кошмарного сна.

– Да, извини... Конечно, я хотела сказать – откуда *она* пришла. Понимаешь, если это не органика, то мои анализы должны указывать на это, то это однозначно *психическое за-*

болевание!

Роман снова привлек ее к себе и, обняв, сказал:

– Бедное мое солнышко! Если я правильно понимаю всех этих эскулапов, то больная психика в итоге тоже результат нездоровой органики. Слава богу, никакой опухоли, даже в зачаточном состоянии, у тебя нет. Никакой травмы головного мозга, никакого микроинсульта, никакой закупоренной артерии, никакого тромба, никакой аневризмы...

– Говорю же – *лучше бы были!* – заявила упрямо Юлия, а муж снова нахмурился:

– Нет, далеко не лучше! Потому что мы побывали у многих специалистов, но не у всех. Не исключено: наши столичные светила ничего найти просто не могут. Значит, обратимся к заграничным. Тут нужны не все эти профессора и академики, а медицинский гений наподобие доктора Хауса. Он бы вместе со своей командой в два счета выяснил, что у тебя, не исключено, какое-то редкое гормональное заболевание, приводящее в итоге к галлюцинациям. Или что это последствия какого-нибудь отравления невесть какими тяжелыми металлами, о котором мы сами не имеем представления. Или банальный защемленный нерв... Или крайне редкий синдром, который возникает у пяти человек на три миллиарда. Или только у тебя, солнышко!

На этот раз Юлия привлекла к себе мужа и сказала:

– Ты прав. Мы побывали не у всех специалистов, однако ходить по врачам я уже больше физически не могу. Так что

тебе придется смириться с мыслью, что *жена у тебя сумасшедшая!*

Она нервно рассмеялась, наверное, даже чересчур нервно, потому что Юлия заметила, как Роман изменился в лице, однако затем снова ее поцеловал.

– Все будет хорошо, солнышко! – заявил он, а Юлия, не желая разочаровывать его и думая над тем, что все *очень даже плохо*, вдруг произнесла:

– Нам надо найти ее.

– Кого, солнышко? – спросил Роман, а Юлия ответила:

– *Эту чертову девочку с зашитым проволокой ртом и пустыми глазницами.*

Она ощутила, как муж вздрогнул, а потом, быстро взяв себя в руки, нейтральным тоном произнес:

– Что значит – *найти*, солнышко? Она *ведь...*

Он запнулся, а Юлия завершила его мысль:

– Она ведь плод моего больного воображения, хочешь ты сказать? Да, ты прав, она плод моего больного воображения, и это так. Потому что нет и не было у меня никогда дара видеть мертвых девочек. Однако я ведь читала о повторяющихся сновидениях и галлюцинациях в Интернете. То, что приходит раз за разом, не случайно. У всего имеется своя причина. Это вовсе не значит, что девочка имелась на самом деле. Скорее всего, *нет*. Но она или символ чего-то, и я хочу узнать, чего именно. Или это образ, который отчего-то застрял у меня в голове и отчего-то терзает меня. Поэтому я

и хочу *найти* ее...

Дверь снова открылась, на пороге возник, вежливо кашлянув, лысый доктор.

– Думаю, для первого сеанса достаточно, – произнес он, на что Роман несколько грубовато заявил:

– Мы того же мнения. Моей жене требуется еще какое-то время. Если вы будете столь любезны оставить нас...

Доктор, посмотрев на Юлию, поправил очки и заявил:

– Хорошо. Однако зайдите ко мне, я покажу и прокомментирую вам энцефалограмму...

Когда он ушел, Роман сказал:

– Не нравится мне эта сонотерапия, солнышко. Они обещали погрузить тебя в твой кошмар... И они это сделали! И вот именно это мне и не нравится. Мы были здесь в первый и последний раз...

Юлия, сползая с кровати, ответила:

– А вот я не разделяю это мнение. Да, в этот раз все было гораздо дольше, интенсивнее и... И невероятно реалистичнее. Однако... Однако *только так* можно с этим бороться, поверь мне, Рома!

Муж скептически уставился на нее. Юлия не стала говорить ему, что в последние дни изучила в Интернете массу статей о контролируемых сновидениях. И ведь она явно видела во сне только то, что было в какой-то степени контролируемым: она совершала ряд осмысленных, взаимосвязанных действий. Например, обманула Квазимодо, стащила ключ на

зеленой тесемочке, пробралась в коридор и открыла камеру, в которой, как выяснилось, сидела эта самая чертова девочка с пустыми глазницами.

Девочка, которая в то же время каким-то непостижимым образом являлась Великим Белком...

– Что ты сказала, солнышко? – раздался голос мужа. – *Белка*? Какая такая белка? *Великая*? То есть крупная, ты хочешь сказать? Но *что* это значит?

Юлия поняла, что произнесла последнюю свою мысль вслух. И явно озадачила тем супруга.

– Извини, вырвалось... Подумала отчего-то о зверушках, которых... Которых мы с тобой когда-то видели в зоопарке. Помнишь?

Никаких таких зверушек, во всяком случае белок, они ни в каком зоопарке не видели, однако ничего иного выдумать Юлия не смогла. Ей было очень стыдно – вот, докатилась. Мало того что сумасшедшая, так еще и любимого мужа обманывает.

А то, что муж был *любимым*, не подлежало сомнению.

– Гм, зверушек? Ну, если честно, но не особо... Но теперь, кажется, что-то припоминаю...

Юлия усмехнулась: то ли муж был готов припомнить даже то, чего не было на самом деле, то ли ей удалось вложить ему в голову ложное воспоминание. Какая же она, однако, *гадкая*!

Она посмотрела с любовью на Романа и подумала, что не

заслуживает его. А он не заслуживает больной, истеричной, явно сумасшедшей жены. То есть такой, какой была она. И поэтому она во что бы то ни стало желала изменить все. Ну, все не получится, ведь в последнее время несчастья обрушились на ее семью одно за другим.

Родителей не вернешь, а вот попытаться вернуть себе здоровье можно. Тем более у них есть средства, они молоды и полны энергии и любят друг друга...

Да, только так, а не иначе – контролируя сновидение раз за разом все сильнее и сильнее, – она сможет...

Сможет избавиться от этой девочки! Даже если ей для этого придется *убить ее* – конечно же *во сне*.

В *собственном* сне.

– Ты уверена? – произнес озадаченный муж, а Юлия, направляясь босиком в туалет, ответила:

– Я знаю!

Зайдя туда, она затворила дверь, пустила в умывальнике воду и долго-долго стояла, вцепившись руками в раковину, не смея взглянуть в висевшее напротив нее зеркало.

Потому что по всем законам жанра она должна была посмотреть в него – и увидеть отражение стоящей за ней мертвой девочки. Непременно с ехидной сатанинской ухмылкой. И пустыми глазницами, из которых струилась черная кровь.

Юлия пересилила себя, взглянула в зеркало – и с облегчением отметила, что никакой мертвой девочки у нее за спиной не стояло. И вообще, с чего она взяла, что девочка была

мертвой?

Правильно, на этот вопрос она уже дала себе ответ: потому что ложно быть живым с *вырванными глазами*.

Только откуда она в курсе, что глаза у девочки были *вырваны*?

Она снова схватилась за края раковины, вспоминая свое первое видение. Или это было не первое?

Темный коридор... Мертвенный свет... Комната... Стол, на котором лежит нечто, накрытое неким подобием целлофана. Она тянет на себя целлофан, тот сползает...

И она видит мертвую девочку с зашитым проволокой ртом и пустыми глазницами.

А потом... Потом эта девочка вдруг резко садится и раскрывает рот в беззвучном крике...

Юлия едва сдержала крик, потому что воспоминания были настолько сильные, что ей сделалось страшно. *Очень* страшно. Наверное, почти столь же страшно, как тогда, когда Роман обнаружил ее саму в глубоком обмороке в ванной комнате супружеской спальни в их подмосковном особняке. Ей крайне повезло, что, упав, она не разбила висок об угол мраморной ванны.

Юлия боялась взглянуть в зеркало, потому что была уверена, что в этот раз ее страшная спутница возникнет там. И все же она приказала себе посмотреть туда – и убедилась, что в зеркале отражается *исключительно она сама*.

Приступ паники прошел столь же быстро, как и накатил.

Юлия закрутила воду и подошла к столику, на котором лежала ее одежда – перед тем как подвергнуться сеансу соно-терапии, она переоделась в некое подобие ночнушки.

И только сейчас поняла, что это та же самая хламида, в которой она привиделась самой себе в качестве узницы в последнем кошмаре.

Раздался шорох (*или Юлии так показалось*), и она увидела, что из-за занавески душа что-то выглядывает.

Это была острая детская коленка, прикрытая серой юбкой.

Дрожа, Юлия подошла к душу и, осторожно взявшись за край занавески, хотела рывком отвести ее в сторону, чтобы убедиться, что никакой мертвой девочки с зашитым ртом и пустыми глазницами там не было и в помине.

И по определению не могло быть.

– *Великий Белк?* – произнесла она, и вдруг на нее нахлынула новая волна паники, и женщина, не переодеваясь, опрометью бросилась вон, выбежала из палаты и оказалась в коридоре, где едва не налетела на миловидную медсестру, ту самую, которая хотела сделать ей инъекцию. Однако медсестра, несмотря на свои смазливые черты, отчего-то ей решительно не нравилась.

– Где мой муж? – спросила Юлия с вызовом, а медсестра, поджав губы, ответила:

– Беседует с Эдуардом Андреевичем. Вы еще не переоделись? *Вам помочь?*

Игнорируя ее колкий тон, Юлия вместе с медсестрой (одна бы она туда войти не решилась) вернулась в палату и велела той принести со столика в туалете ее одежду.

Та раскрыла дверь, прошла в смежную комнатку, а Юлия, стоя на почтительном расстоянии от двери, все вглядывалась, пытаясь понять – *притаился кто-то за занавеской занавеской или нет.*

Вынеся ее вещи, медсестра заметила ее внимательный взгляд и вытянутую шею и спросила:

– Вы что-то ищете?

Юлия, схватив вещи, ответила:

– Да, там... В душе, *за занавеской*... Там я оставила, когда купалась...

Она запнулась, не зная, что бы такое изобрести. А в голову, как назло, ничего не лезло. Медсестра же, странно на нее взирая, явно ждала завершения фразы.

– Я там оставила свои тапочки... Такие малиновые... С вышитой белочкой.

Юлия вдруг замолчала, поняв, что взяла эти тапочки из своего кошмара.

– Извините, но у вас не было тапочек. И душ вы не принимали...

Тон медсестры был колким. Юлия же, сердито тряхнув головой, крикнула:

– Идите в душ и посмотрите! Раз я вам сказала, значит, оно так и есть. В конце концов, вам за это деньги платят...

Она осеклась, потому что о деньгах можно было и не говорить. Медсестра, ничего не возразив, двинулась в душ, *отодвинула занавеску* и провозгласила крайне любезным тоном:

– Как видите, ни тапочек, ни лабутенчиков. Ни с белочками, ни без оных. Мне еще что-то поискать прикажете?

Естественно, она была права – в душе, за занавеской, не скрывалась никакая девочка с зашитым ртом и пустыми глазницами, которой никогда не было и быть не могло.

Или она все же была?

– Извините. Я не хотела. Сорвалась... – произнесла примирительным тоном Юлия, а медсестра, ничего не ответив, вернулась в палату, прикрыла дверь санузла и чуть более мягко заметила:

– Переодевайтесь. Или вы все же хотите, чтобы я вам помогла?

Юлия очень хотела, точнее, она желала, чтобы медсестра не уходила из палаты, оставляя ее одну – вернее, не одну, а с мертвой девочкой, – но сказать такое было бы верхом безумия.

Да, именно что *верхом безумия*. Впрочем, если она была сумасшедшей, то ничего иного ожидать от нее было и нельзя.

Едва медсестра удалилась, Юлия быстро сбросила больничную хламиду, натянула платье, в котором приехала, решив не надевать бюстгальтер. Все это заняло несколько секунд, и все эти нескончаемые несколько секунд она не сводила глаз с двери санузла, будучи уверенной в том, что та

распахнется и на пороге возникнет мертвая девочка с зашитым ртом и пустыми глазницами.

Вылетев в коридор, Юлия заметила всю ту же медсестру, которая, похоже, ждала ее.

– Вы проводите меня к доктору? – спросила она и сообразила, что зажала в одной руке собственный бюстгальтер. А в другой держала сумочку и свои элегантные туфли. Не лабутены, а кое-что получше и подороже, купленное в Милане.

– Да, конечно, – заметила медсестра несколько саркастическим тоном, а Юлия стала яростно запихивать бюстгальтер в сумочку, отчего туфли полетели на пол.

– Прошу вас, – сказал проходивший мимо и наклонившийся, чтобы поднять туфли, врач в белом халате. Юлия, поблагодарив услужливого эскулапа, двинулась вперед за медсестрой, которая провела ее по коридору, ввела в стильно обставленный офис и сдала ее на руки сидевшей там особе.

Та, мило улыбнувшись, сказала, что доктор занят, но вот-вот освободится.

– Знаю. Он говорит с моим мужем. Обо мне, – ответила Юлия, прошла по ворсистому ковру к двери, на которой висела изящная табличка «Э.А. Черных. Д-р мед. наук, профессор», и открыла ее.

На мгновение ей показалось, что она попала в камеру, ту самую, мрачную, в которой находилась *чертова* девочка с зашитым ртом и пустыми глазницами. Но это было сиюминутное наваждение, не более, потому что она прошла в ка-

бинет Эдуарда Андреевича, основателя и владельца клиники «Сон в руку».

Роман и лысый доктор замерли на полуслове, завидев Юлию. Та, подойдя к свободному креслу и плюхнувшись в него, заявила:

– Извините, что помешала, однако я хочу сказать, доктор, что готова продолжить сеанс конфронтации с моими кошмарами, или как вы это там называете...

Роман, мрачней на глазах, заявил:

– Нет, солнышко, я как раз объяснял уважаемому Эдуарду Андреевичу, что мы не намерены пользоваться его услугами и что...

– Ты, не исключено, и не намерен, это твое право, – отчеканила Юлия, поражаясь собственной холодности. – А вот я намерена! Я хочу, чтобы вы снова нацепили мне на голову эти штучки, дали мерзкую микстуру, сделали инъекцию и я снова погрузилась... *Погрузилась в свой кошмар!*

Эдуард Андреевич посмотрел на нее, потом перевел взгляд на Романа и мягко заметил:

– Я тоже пытался объяснить уважаемому Роману Глебовичу, что результат превзошел все ожидания. И что конфронтацию вашего подсознания с генерируемым им же самим кошмаром удалось организовать! И что надо продолжить...

– Не надо! – заявил достаточно резко Роман, вставая. – Вы что, не увидели, что моя жена пробудилась после этой вашей сонотерапии чуть живой? И вообще вся эта пляска с погру-

жением в сны, с конфронтацией с кошмарами напоминает мне фильмы про Фредди Крюгера, где несчастных, преследуемых этим монстром, тоже подвергают пыткам в каких-то сомнительных лабораториях. А в итоге приходит Фредди и всех преспокойно убивает!

«*Пять-шесть – Фредди тебя съест...*» Нет, не Фредди, а *Великий Белк...*

Юлия вздрогнула, ужасаясь тому, какие мысли лезут в голову. *Ее бывший, Стас, тоже любил фильмы про Фредди.* А после Стаса был Игорь, *без пяти минут муж.* Юлия поморщилась – воспоминания о ее прежнем женихе, который едва не стал мужем, были ей неприятны. Ни с Игорем, ни тем более с его папашей, *тоже Игорем,* ей иметь общих дел не хотелось – ни раньше, ни теперь, после смерти мамы и отца.

– *Великий Белк придет и всех нас без горчицы пожрет!* – сказала вдруг Юлия и онемела: неужели она произнесла эту глупую фразу?

Ту самую, которую слышала от Квазимодо в *своем последнем кошмаре.*

– Как-как? *Великий Белк?* – проронил, поправляя свои огромные очки, доктор Черных, явно чем-то заинтересовавшись. – Какой оригинальный образ! Может, нам стоит поговорить об этом, Юлия Васильевна?

– Говорить не о чем. Лучше снова погрузите меня в сон, так, чтобы я попала... попала опять туда, в это место... Ну, где я была...

Доктор, нервничая еще сильнее, провозгласил:

– Мы ведь так толком и не поговорили о том, что вы видели во время конфронтации с кошмаром. А ваша энцефалограмма просто грандиозна! Вы пережили *такое!*

– Солнышко! – заявил, игнорируя лысого доктора и обращаясь только к ней, Роман: – Солнышко, пойдем! Я не хочу иметь дело с шарлатаном, который к тому же заставляет тебя мучиться от кошмаров!

– Я не шарлатан, а профессор! – заявил лысый доктор, но Роман не обращал на него внимания, обращаясь исключительно к Юлии.

Та же, смотря исключительно на супруга, проронила:

– Доктор не шарлатан. И для того чтобы побороть кошмар, мне нужно погрузиться в него. И убить наконец...

– *Великого Белка?* – произнес визгливо доктор Черных, что заставило Юлию и Романа уставиться на эскулапа.

– Откуда *вы* знаете? – спросила в ужасе Юлия, а доктор, на лице которого выступили бордовые пятна, заявил:

– Ну, вы же сами это сказали, Юлия Васильевна, причем только что. Вот я и подумал, что это... Что это монстр, который является корнем всех проблем! Так сказать, центр вашего индивидуального кошмара!

Юлия посмотрела на врача и спросила:

– Вы можете снова погрузить меня... В *мой* кошмар?

– Солнышко, нет! Я же видел, что ты едва-едва перенесла этот сеанс погружения. Новый повредит тебе еще сильнее. И

кто знает. Сведет с ума!

На лице мужа застыла гримаса боли, а Юлия произнесла:

– Ну, мне это не повредит. Ведь я, вероятно, *уже* сошла с ума.

Доктор Черных, сверкая стеклами очков, произнес:

– Но Роман Глебович прав! Потому что такие погружения должны происходить подконтрольно и не чаще чем раз в две недели, а то и в месяц. Это новейшая методика, разработанная лично мной и до конца, надо признать, еще не отшлифованная...

– Шарлатан, как и было сказано! – заявил Роман, подходя к жене и беря ее за руку. – Солнышко, он же выкачивает из нас деньги. И я видел, как ты мучилась, мечась по кровати во время этого погружения... На тебе лица не было...

– Но я все равно хочу нового сеанса погружения! – заявила упрямо Юлия и обратилась к доктору Черных: – Сколько вы берете? Получите двойной гонорар!

Тот, сняв очки и снова водрузив их на нос, гневно заявил:

– Так не пойдет! Ваш супруг подвергает сомнению мою научную квалификацию и медицинские достижения...

– Подвергает сомнению! – передразнил его Роман. – Да я в них *просто не верю!* Шарлатан, к тому же лысый!

Доктор нервно провел по своей блестящей лысине и заявил:

– Попрошу не переходить на личности! У меня семнадцать монографий, двести девяносто шесть статей...

– Как пить дать – *шарлатан!* – заявил муж, и Юлия закричала:

– Прекратите! Я требую, чтобы вы снова погрузили меня в... в мой кошмар. Я хочу попасть туда! Я должна... Должна довести до начала начатое!

И победить Великого Белка!

Доктор, снова сняв очки и вертя их в руках, ответил:

– Вы, однако, очень трудные клиенты. Я не могу погрузить вас в ваш кошмар, потому что это можете только вы, вернее, ваш мозг. А повлиять на его работу я могу лишь крайне опосредованно. Я могу создать подходящие условия, все остальное – за вами. Это во-первых. Погружать в неприятные воспоминания, тем более *кошмары*, можно с достаточным перерывом, длина которого сугубо индивидуальна, однако составляет не менее двух недель. Это во-вторых...

– И мы уходим, солнышко. Немедленно. Я уже оплатил эту первую и последнюю консультацию в этой клинике «Рога и копыта». Это *в-третьих!*

Муж протянул Юлии руку. Женщина застыла, размышляя над сложившейся ситуацией. Она заметила поперечную складку над переносицей мужа и сверкание его синих глаз, означавшее, что он удивлен тем, что она колеблется. *Крайне удивлен.*

Затем Юлия, бросив на пол туфли, вложила свою ладонь в руку супруга и сказала:

– Хорошо. *Ты прав.* Мы сейчас уйдем. Но ты разрешишь

мне надеть туфли или мне, как в моем кошмаре, придется бегать повсюду босиком?

Черты лица мужа смягчились, он погладил большим пальцем ладонь Юлии и произнес:

– Ну конечно, солнышко.

Юлия опустилась в кресло и стала надевать туфли. Мужчины молчали, потому что говорить им было не о чем.

Наконец доктор Черных подал голос:

– И все же я не довел до конца свою мысль. Потому что есть *еще и в-третьих*, и это вовсе не то, о чем вел речь ваш уважаемый супруг. Вы сами знаете, что вы с некоторых пор страдаете провалами в памяти и очень многого просто не помните. Уверен, что регулярные сеансы погружения по разработанной мной методике смогут вам помочь. Потому что я считаю, что вам нужно через три или четыре недели снова обратиться ко мне, дабы провести новый сеанс погружения. А за это время мы с вами пройдем тренинг, направленный на управление вашими сновидениями для того, чтобы вы, опять оказавшись в своем кошмаре, смогли бы целенаправленно совершить то, что требуется в данной ситуации, и тем самым...

Юлия, встав на ноги, произнесла:

– Благодарю вас, доктор, однако ваши услуги нам не требуются. Мой муж абсолютно прав.

Роман распахнул дверь, доктор выкатился в приемную, а Юлия проследовала за мужчинами. Доктор попрощался с

ней, заметив, что он считает, что продление сеанса лечения может привести к важным позитивным переменам и что...

– *Шарлатан!* – заключил Роман и взял жену за руку.

Когда они уселись в красный «Порше»-кабриолет с откинутым верхом (уже вторую неделю в Москве царила аномальная жара), Роман произнес:

– Извини, солнышко, что не сдержался, но в руки этому шарлатану я тебя больше не сдам. И как я только мог согласиться, чтобы ты пошла на эти муки...

Кабриолет тронулся в путь. Горячий вечерний воздух обдувал лицо Юлии, приятно шевеля волосы. Женщина закрыла глаза. Господи, у нее ведь все есть. Любящий красавец муж. Хорошо налаженный, очень выгодный бизнес. Счастливая семейная жизнь.

И, как бесплатное приложение, бледная девочка в старом платьишке, с косичками, зашитым ртом и пустыми глазницами. И то ли вещающий через нее, то ли являющийся ею, по крайней мере, в одной из своих ипостасей, *Великий Белк*.

Роман молчал, то и дело в беспокойстве поглядывая на жену, а Юлия наконец не выдержала:

– Со мной все в порядке, уверяю тебя!

И почувствовала, что снова готова разрыдаться. А раз так, то ничего с ней конечно же не в порядке. Тут ей пришла в голову простая мысль – что это она все о себе и о себе. А каково ее мужу, который вынужден носиться как с писаной

торбой со своей капризной, истеричной, сложной женой.

Бросив на Романа долгий взгляд, Юлия услышала его спокойный голос:

– Солнышко, хочешь прогуляться? Может, в кафе заедем или в ресторан? Или махнем на пляж? Температуры просто тропические.

Да, с ней наверняка сложно. Любому бы было сложно – если бы он являлся мужем *сумасшедшей* жены.

– Нет, домой... – произнесла устало Юлия, вдруг поняв, что дома-то у них не было. Нет, конечно, имелся их загородный особняк, однако после того, как ей померещилась в подвале эта самая *чертова девочка*, они срочно оттуда съехали. Юлия ни за что бы не смогла провести там еще одну ночь.

Просторная столичная квартира, в которой они сейчас обитали, точнее, самый настоящий пентхаус с видом на Москву-реку, никогда ей не нравилась, и в ней она останавливалась лишь тогда, когда дела требовали ночевку в столице.

Наконец имелся еще особняк родителей, который и был для нее подлинным домом, но из-за смерти родителей ей тоже стало там неуютно.

И вот теперь *это*...

А что, если история с чертовой девочкой – это реакция ее мозга на произошедшие трагедии? Несколько врачей предлагали такую трактовку, и Юлия была готова согласиться. А вот Роман никак не мог смириться, что...

Что жена у него страдает галлюцинациями.

– Думаю, что нам после этого сеанса магии и ее разоблачения у лысого шарлатана стоит смотаться за город, – сказал муж и при первой же возможности повернул в противоположную сторону.

Прогулка так прогулка, Юлии было все равно. Она даже была рада, что не так быстро попадет домой. Потому что...

Потому что там все *начнется сначала*.

– Пусти меня за руль, Ромочка! – сказала вдруг Юлия, и супруг воззрился на нее.

– Солнышко, доктор же сказал, что тебе после этого сеанса сонотерапии водить день или два нельзя. Они же давали тебе какие-то лекарства...

– Я хочу! – настаивала на своем Юлия. – Или ты... *боишься*?

Она не была за рулем с момента гибели мамы, разбившейся на МКАДе. Тогда она дала отцу слово, что не будет водить.

Но отец вскоре сам умер, так что обещание ее больше не действовало.

Роман, ничего не говоря, затормозил, и они поменялись местами. Юлия резко взяла с места, и муж, бледнея, заметил:

– Солнышко, прошу...

Занятно, что аккуратным, даже педантичным водителем-перестраховщиком был именно он, а Юлия же, напротив, лихачкой и сорвиголовой.

Юлия, чувствуя, что в ушах свистит ветер, стала набирать и набирать скорость, намеренно сгоняя с крайней левой водителей-черепах.

– Солнышко, прошу, следи за знаками. И за скоростью...

Юлия подставила лицо ветру. *Невидима и свободна!* Наверняка нечто подобное ощущала и булгаковская Маргарита, путешествуя на метле по ночной Москве.

Только вот она сама была не невидима и *уж точно* не свободна. Да и ведьмой она не являлась, а всего лишь...

Всего лишь сходящей или – кто знает? – уже сошедшей с ума особой, которой в конце года, помимо всех несчастий, должно было стукнуть тридцать.

Юлия нажала педаль газа, а затем резко ушла направо, обгоняя справа какого-то недотепу, тащившегося со смехотворной скоростью по крайней левой.

– Солнышко! – буквально закричал Роман. – Не гони так! *Мне страшно!*

Юлия сбросила скорость и даже пропустила кого-то, хотя ужасно не любила, когда ее обгоняли.

Да, ему *страшно*... Нечасто приходится жене слышать подобное признание от собственного мужа. И страшно ему вовсе не из-за того, что она несется с непозволительной скоростью, наплевав на правила дорожного движения.

Ему страшно с ней!

Они ехали вперед с буржуазной, Юлией презируемой, скоростью. И женщина вдруг поняла – если она и пытается от

кого-то убежать, то от самой себя.

Но в этом-то и дело: от себя она убежать не могла.

А вот потерять мужа могла *запросто*.

– Роман, скажи, – произнесла Юлия внезапно, положив мужу руку на колено и внезапно почувствовав, как мужчина напрягся. – Ты считаешь меня сумасшедшей?

Супруг повернул к ней свое мужественное лицо и, чуть поведя бровями, лаконично ответил:

– Нет.

А потом снова отвернулся, делая вид, что сосредоточенно рассматривает окружавший их скудный пейзаж. Юлия ощутила небывалое облегчение. Вот если бы он стал уверять ее, что не считает, и приводить разнообразные доводы. Или если бы он отвел глаза. Или бы замешкался с ответом.

А так он откровенно и явно дал понять – нет, не считает. Однако значило ли это на самом деле, что она не была сумасшедшей?

– Ромчик, – продолжила она, выждав несколько минут, – а считаешь ли ты, что я *являюсь* сумасшедшей?

На этот раз супруг не торопился с ответом. Юлия даже подумала, что он не услышал вопроса, хотя такого быть не могло, однако не рискнула повторить его снова.

Потому что боялась услышать столь нелицеприятный для нее ответ.

– Нет, не считаю.

Муж, однако, не смотрел на нее, и тон у него был ка-

кой-то... Какой-то неуверенный.

– Ты ведь считаешь, что я *являюсь*? – быстро заговорила Юлия. – Ты ужасно не хочешь, чтобы я являлась, однако понимаешь, что реальности это не изменит. Значит, я псих? Значит, я свихнувшаяся тетка, которую надо сдать в элитный санаторий для спившихся и спятивших на фоне приема наркотиков толстосумов?

– Ну, имеется еще вариант с бюджетной психбольницей, но лучше все же санаторий для спившихся толстосумов, – заявил муж, и по его тону Юлия поняла, что разговор ему крайне неприятен, поэтому он и дал язвительный ответ.

Что же, значит, это в самом деле так. Роман считает, что она является сумасшедшей. Хуже того, что она сама придерживалась такого мнения.

– А скажи, Рома, – Юлия энергично схватила супруга за коленку и вдруг поняла, что тому наверняка не так уж комфортно и, не исключено, даже больно. – Думаешь, я *опасна* для окружающих?

Юлия снова стала увеличивать скорость, хотя понимала, что Роман это явно не одобряет. Но ей требовалось нестись вперед – *только вот что ее там ждало?*

Муж ничего не говорил, Юлия повернула голову – и вдруг увидела что-то, метнувшееся под колеса их автомобиля.

Юлия резко затормозила и выехала на обочину, за которой виднелась уходившая в глубь лесополоса.

Странно, но место было ей отчего-то знакомо. Лесополо-

са, дальше бывший пионерский лагерь, еще чуть дальше железнодорожный переезд... Все это она знала, однако не могла вспомнить, почему и как. *Эти провалы в памяти...*

(Веселые бельчата, веселые бельчата, веселые бельчата...)

– Что это? Кто это? – вскричала женщина, поворачивая голову.

И видя что-то маленькое, неподвижно лежавшее на дороге, Роман, присмотревшись в зеркало заднего вида, произнес:

– Кажется, какое-то мелкое животное. Мне очень жаль, но такое случается...

Такое случается... Как и то, что жена вдруг окажется буйным психом. Хотя, кто знает, быть может, она псих *спокойный?*

– Может, зверушка еще жива! – закричала, чувствуя, что ее изнутри колотит, Юлия. – Мы должны ей помочь, отвезти в ветеринарную клинику...

Роман, *вынув ключи из замка зажигания*, произнес:

– Я сам посмотрю. Подожди меня здесь...

Он вышел наружу, пропустил несколько автомобилей, а затем метнулся на проезжую полосу, схватил неподвижно лежавшую тушку и вернулся обратно. Юлия, все еще сидевшая в кабриолете, нетерпеливо спросила:

– Это кто? Кошка? Или ежик?

– *Белка*. Вернее, даже бельчонок, – ответил муж, и Юлия

пулей вылетела из автомобиля. Подбежав к мужу, она увидела неподвижно застывшего крошечного зверька с большим пушистым хвостом, уместившегося в большой ладони мужа.

– Мы должны его спасти! – закричала она, а Роман, опуская бельчонка на гравий, заметил:

– Думаю, что он умер мгновенно. И ему уже ничем не можешь...

Как всегда, супруг размышлял логично и убедительно. Юлия сама видела, что бельчонок мертв.

«Веселый бельчонок», отчего-то возникло в ее голове. Но почему *веселый*? Наверное, очень даже расстроенный...

Точнее, мертвый-премертвый. *Мертвее не бывает.*

А что, если бы они даже отправились бы тотчас в ветеринарную клинику, то там подтвердили бы неутешительный диагноз – животному уже ничем нельзя было помочь.

Она присела перед зверьком и дотронулась пальцами до его рыжей шерстки. Внезапно ей показалось, что лапка бельчонка дернулась – и Юлия в ужасе отпрянула.

Но что, если это не несчастный зверек, ставший жертвой собственной беспечности и достижений человеческой цивилизации, а...

А Великий Белк? Или если не он сам, то его *брат*...

Младший брат?

– Мы должны его похоронить, – заявила Юлия, и муж уставился на нее.

– Солнышко, конечно, мы можем взять его с собой. Толь-

ко во что бы завернуть его...

— Мы похороним его здесь и сейчас! В конце концов, это ведь я его *убила!*

Роман не стал возражать, только спросил:

— И где же ты его хочешь похоронить?

Юлия посмотрела по сторонам. В самом деле, *где?* Никакой иной возможности, кроме как устроить погребение бельчонка (или *Великого Белка?* Или его *младшего брата?*) в близлежащей лесополосе, не было.

— Вон там. Ты мне поможешь?

Спрашивать, однако, не требовалось — Юлия знала, что Роман бы ее в лесополосу одну ни за что бы не отпустил.

Он взял бельчонка, но Юлия потребовала:

— Дай мне его!

— Солнышко, это все-таки дикое животное, у него могут быть паразиты, и он может являться переносчиком бешенства...

— Рома, дай! Как я могу заразиться бешенством, если зверек *уже мертв?* А руки я совать в рот не намереваюсь и потом тщательно вымою. Дай мне его. Ведь это я его *убила!*

Младший брат... Младший брат... Великий Белк?

Муж передал ей бельчонка, и Юлия ощутила, что невесомое тельце было еще горячим. Однако сердечко не билось — зверек, без сомнения, был мертв.

Младший брат Великого Белка.

Убит ею.

(Веселые бельчата, веселые бельчата, веселые бельчата...)

Она двинулась в лесополосу, муж следовал за ней.

– Может, не будем углубляться так далеко, солнышко? – спросил нервно Роман. – Вот смотри, тут полянка имеется. Давай я помогу выкопать ямку...

Юлия же двигалась вперед, словно... Словно знала, куда идти. Однако она была в этом месте в первый раз в жизни – в этом она не сомневалась.

Или все же...

– Солнышко! – услышала она голос Романа. – Прошу, остановись! Я не хочу идти дальше.

Юлия замерла, чувствуя, что муж обнял ее за талию.

– Солнышко, никогда так больше не делай...

– Я тоже не хотела, – ответила угрюмо женщина, глядя на мертвого бельчонка. – Я не хотела, чтобы он умер...

– Ты ведь сама могла умереть! – повысил вдруг голос Роман. – Солнышко, неужели ты этого не понимаешь? Дело не в этом глупом зверьке, которого, конечно, жаль. Но это мог быть и человек. Или ты сама! Вернее, *мы оба!*

Юлия повернулась к мужу и вдруг поняла. Ну конечно, когда она, лихача, неслась по дороге, муж думал об одном: а что, если их ждет такой же конец, как у матери Юлии, которая разбилась на машине...

Юлия вспомнила: ну да, в самом деле где-то не так уж и далеко от этого места.

В голове снова мелькнуло: «*Веселые бельчата*». Но Юлия не помнила, почему *веселые*. Она многого не помнила...

– Извини. Ты конечно же прав! – сказала Юлия, чувствуя, однако, что ни в чем не раскаивается и, оказись за рулем, повторила бы все снова.

За исключением смерти бельчонка конечно же.

Или *Великого Белка*?

– Ты думаешь, у него есть родители? – спросила Юлия, рассматривая зверушку у себя в руках. – Например, отец... так сказать, *белк*... Великий...

– Родители? *У белки*? – Муж никак не мог взять в толк, что она имеет в виду. – Ну, наверное, кто-то произвел его на свет. Однако такие животные, кажется, живут не стаями, а по отдельности... У каждого свое дупло...

У каждого свое дупло. А в нем – *Великий Белк*!

– Думаю, родители будут его искать. Его старший брат – или сестра... Но не найдут. Потому что он умер! – заявила Юлия и, прорвавшись сквозь плотный кустарник, оказалась на небольшой полянке.

Она вдруг уставилась на странную, зиявшую посередине поляны яму. Судя по всему, яма была свежая и вырыта недавно.

И так походила на *могилу*.

– Мы похороним его здесь! – сказала она, указывая на яму.

Роман, озираясь и поеживаясь, заметил:

– Ну здесь так здесь... Только не нравится мне это место, солнышко. Давай сделаем это побыстрее и поедem обратно в Москву.

Солнце начинало садиться, над кустами вилась мошкара, и место, в котором они оказались, было совершенно безлюдным.

– Он нас ждал, – произнесла, опуская бельчонка на дно ямы, столь смахивавшей на могилу, Юлия.

– *Он?* – переспросил муж, а Юлия пояснила:

– *Великий Белк*. Поэтому и приготовил эту могилу. Не исключено, что для *меня!*

Роман вдруг закричал, да так, как не кричал еще ни разу за все время их знакомства и супружеской жизни:

– Солнышко, что такое говоришь! Почему ты ведешь речь о таких вещах? Это просто яма в этой чертовой лесополосе...

Чертовая была подходящим эпитетом.

– Надо забросать его, – сказала Юлия, начиная лихорадочно сталкивать землю с верхушки громоздившейся около ямы кучи. – Чтобы он не выбрался.

– Как это – *не выбрался?* – В голосе мужа впервые прозвучали нотки паники. – Солнышко, ну о чем ты? Звереныш *точно* мертв...

– Вот это-то и ужаснее всего, – заявила Юлия, спихивая ногой землю на дно ямы с бельчком. – Великий Белк тоже мертв, однако это не мешает ему появляться везде, где толь-

ко угодно...

Муж, не задавая лишних вопросов, видимо, убедившись, что это бесполезно, принялся помогать ей и руками спихивать землю в яму.

– Думаю, хватит... Солнышко, ты устала, тебе пора домой. Нас ждет отличный ужин, а потом я хочу, чтобы мы любили друг друга...

Юлия спихивала землю все быстрее и быстрее, с таким же маниакальным упорством, как до этого неслась на шоссе. Муж что-то говорил, кажется, дотронулся до нее, пытаюсь даже оторвать от земли...

И в этот момент, когда земля из кучи перекочевала в яму, в черной почве что-то тускло сверкнуло.

Юлия принялась рыть дальше – и в руках у нее оказалась яркая детская заколка *с веселой белкой*. Такая же, какая была на этой чертовой девочке с косичками, зашитым ртом и пустыми глазницами.

– Это он сюда подкинул! – заявила Юлия, а муж, перехватив у нее заколку, воскликнул:

– Ну это же просто здесь кто-то потерял, солнышко... И ты в земле нашла...

А Юлия, поднявшись, осмотрелась по сторонам и уверенно заявила:

– Думаю, она находится здесь.

Роман, вздохнув и уже не скрывая своего раздражения, воскликнул:

– Кто, солнышко, скажи мне, *кто*? Очередная белка?

– Нет, – ответила Юлия. – Эта девочка. С зашитым ртом и пустыми глазницами. Думаю, ее тело зарыто на этой поляне или поблизости.

– Ты *думаешь*? – выдохнул Роман, а Юлия, рассмотрев чуть заметную тропку, уводившую куда-то вглубь, ответила:

– Я *знаю*. Она здесь. Потому что он не зря привел нас сюда.

Он – *Великий Белк*.

Она двинулась вперед, прямо по бурелому, а Роман спешил за ней, тщетно взывая к ее разуму. Юлия присмотрелась – и вдруг заметила сбоку знакомую фигуру.

Да, это была она, *чертова* девочка.

– Смотри, смотри! – закричала Юлия, хватая мужа за руку, а когда обернулась, никакой девочки меж деревьев конечно же не было.

Роман, схватив жену за запястья, с силой сжал их и отчетливо произнес:

– Солнышко, ты хотела похоронить зверька, и мы это сделали. Но больше нам здесь делать нечего. Прошу, поедem домой. Потому что солнце вот-вот сядет.

– Она там! – закричала Юлия, пытаясь вырваться. – Понимаешь, *она там*!

Роман вздохнул, двинулся в направлении, которое Юлия отчаянно показывала взмахами головы, и, замерев между двух странно изогнутых берез, произнес:

– Ну нет здесь никого! Убедилась, что ошибалась? А теперь нам пора домой, солнышко...

Юлия, подбежав к мужу, опустилась на землю и стала ощупывать ее руками. Роман был прав – тут ничего не могло быть зарыто, по крайней мере, в последние годы.

– Это же ее заколка! – заявила Юлия. – И могила была для кого-то подготовлена...

– Даже если и так, солнышко, – заявил муж, – то мы устроили здесь кладбище домашних животных. Ну что, поедем обратно?

Юлия обернулась, вдруг осознав, что все ее спонтанные сумасбродные акции выглядели, по крайней мере...*эксцен-трично?*

Да нет же, реально *сумасшедшие!*

Она еще раз уставилась на поросшую плотной зеленой травой землю меж странно изогнутых берез и сказала:

– Извини. Ты конечно же прав. Как всегда, прав, Рома... Думаю, нам в самом деле надо поехать обратно...

– Только, чур, вести буду я! – заявил повеселевший муж, повернулся, желая возвращаться к шоссе, и в этот момент Юлия увидела то, что искала.

Конечно, дело было не в том, что нечто было зарыто меж двух странно изогнутых берез, а в том, что только оттуда можно было, повернувшись под нужным углом, рассмотреть большой дуб в глубине.

И овальное, похожее на распахнутый в немом крике рот,

дупло.

Юлия устремилась к дубу, задела ногой корень, полетела на землю и ушиблась. К ней подоспел Роман, который подхватил ее на руки, а Юлия закричала:

– Там, там! В дупле! *Там!*

И при этом ударила мужа по спине кулачками. Роман, вздохнув, поставил ее наземь и произнес:

– Солнышко, ну с чего ты взяла? Наверное, там в самом деле что-то есть. Или даже кто-то. Большой мохнатый паук. Или бешеный енот.

– Или *Великий Белк!* – заявила Юлия и двинулась к дубу.

Муж покорно следовал за ней. Когда она, замерев перед мощным стволом, попыталась дотянуться до дупла, но не достала, то велела:

– Подсади меня!

Вместо этого муж громко вздохнул, подошел к дереву и, вытянув руку, с опаской запустил ее в дупло.

– Смотри, солнышко, если я сейчас заору, потому что какая-нибудь тварь откусит мне палец...

Юлия обвела взглядом окружавшие их кусты. Нет, *чертовой девчонки* видно не было.

– Солнышко, я же говорил тебе, что быть здесь ничего не может...

И он вдруг осекся.

– Что-то нашел? – спросила Юлия, и муж, кивнув, осторожно извлек из дупла руку, в которой была зажата поломан-

ная пластмассовая расческа, практически лишившаяся всех зубьев.

– Интересно, сорока, что ли, сюда притащила или дети играли и забросили? – предположил Роман, а Юлия заявила:

– Дай мне! Прошу, Рома, подсади меня!

Муж подчинился и, бережно взяв Юлию за талию, поднял ее вверх. Она запустила руку в дупло, ощутила извилистую кору, а затем гладкую поверхность дупла. Ее руки ухватили ворох старых прелых листьев.

– Вряд ли это то, что ты искала... – промолвил муж, и Юлия еле сдержала вздох разочарования.

Что бы она подумала, если бы Роман, переехав зверька и решив хоронить его в лесу, стал потом устраивать все то, что только что устроила она...

Она бы подумала, что супруг явно слетел с катушек.

– Солнышко, извини за тавтологию, но солнышко село. Сейчас стемнеет, а шляться по лесополосе ночью не очень-то хочется.

Юлия снова запустила руку в дупло, понимая, что слишком далеко зашла в исполнении своих странных желаний, объяснить которые не могла себе сама.

И вдруг кончиками пальцев нащупала что-то массивное.

– Подними меня, Рома, ну, еще чуть-чуть! – попросила она, а муж ответил:

– Солнышко, я, конечно, готов носить тебя на руках и от данного обещания не отрекаюсь, но не кажется ли тебе, что

наша экспедиция в подмосковные чащобы немного вышла из-под контроля и что...

Однако приподнял ее – и Юлия смогла ухватиться за нечто, что извлекла из дупла. Последние лучи заходящего солнца, рассыпая в воздухе золотые искры, осветили находку.

Это был продолговатый сверток – нечто, завернутое в пластиковую холстину и перевязанное *зелеными тесемочками*.

Точно такими же, на которой висел ключ от камеры с чертовой девочкой в ее кошмаре.

– Господи, солнышко, что ты тут раскопала? – произнес муж, опуская ее на землю и явно заинтересованный находкой. Весь его скептицизм как рукой сняло. – Ты позволишь?

Юлия прижала сверток к груди и сказала:

– Давай пойдем обратно. А то становится прохладно. Да и я проголодалась...

И вдруг ощутила невероятный голод, понимая, что нашла все, что было спрятано в дупле... *Но кем?*

Ответ был очевиден: *Великим Белком*.

Они в быстро сгущающейся темноте прошествовали через поляну, на которой был погребен сбитый бельчонок, умудрились даже заблудиться, однако Роман сумел сориентироваться и вывел их к шоссе.

Их «Порше» ждал их. Юлия направилась к водительскому месту, но Роман был непреклонен:

– Солнышко, поведу я. Ты отдохни. В наш любимый ресторан или домой?

– А какой наш любимый? – спросила Юлия, вдруг осознав, что вопрос был не самый учтивый. Кажется, в последние недели и месяцы она полностью наплевала на семейную жизнь и на мужа.

Сначала трагедия с мамой, а затем с отцом. А теперь...

А теперь *Великий Белк*.

Да и в голове все как-то сливалось и путалось. *Эти странные провалы в памяти...* Какие-то вещи были выпуклые, словно произошли вчера, а какие-то терялись в невесть откуда взявшемся зыбком тумане. Юлия могла сказать, как познакомилась с Романом, но не помнила, как приехала сегодня (или это было *уже вчера* или даже *позавчера*?) в клинику доктора Черных. Она помнила все детали их чарующей свадьбы, но не могла сказать, как прошли похороны мамы. Она знала, как прошел их последний отпуск в Коста-Рике, но не могла вспомнить, каким был ее последний разговор с отцом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.